

**Польская
школьница
Илона Кузьмерка
в роли Ульки**

(Фильм «Ленин в Польше»)

№ 21 (923) **НОЯБРЬ 1965**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

ДИСКУС-
СИОННЫЙ
КЛУБ
„СМЕНИ“

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ
БЫТЬ
СЧАСТЛИВЫМ —

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемая редакция! Я прочитал в № 13 вашего журнала за 1964 год открытое письмо журналистке принцессе Полине Миурат «Понятное слово «счастье». Меня очень заинтересовала эта статья, написанная В. Захарченко. И я решил поспорить с журналистом. Сразу предупредил вас, товарищи, что я буду открыто высказывать свое мнение и прошу вас и товарища Захарченко на меня не обижаться.

Во-первых, товарищ Захарченко, зачем нужно было печатать эту статью в журнале? Вы могли бы прекрасно это письмо отправить лично Полине Миурат во Францию.

Во-вторых, я совсем не согласен с тем, что вы пишете в своей статье. Зачем вы обманываете самих себя и молодых читателей? Вам, сидя в Москве или развезжая по стране, легко писать такие статьи, а на самом деле делаю бы то же самое, а вот попал бы вы к нам в поселок Ольгино да поработали в лесу годика два-три, тогда бы заговорили совсем о другом.

Много в вашей статье говорится о деньгах. И очень правильно сказала Полина Миурат: «Дайте богатство в руки любого вашего советского человека — он станет таким же, как мы». Вы, товарищ Захарченко, возражаете Полине. А я уверен, что большинство молодых людей, прочитавших вашу статью, не согласны с вами. С некоторыми молодыми людьми из нашего поселка я разговаривал, и они все за то, что деньги — основа всего, что без денег нет и не может быть счастья. Вот вам, товарищ Захарченко, правда, настоящая правда, а не та, о которой вы пишете Полина Миурат. Ее вы тоже не переубедите, даже если и приведете тысячи примеров из жизни советских людей.

Вы, товарищ Захарченко, говорите, что читали журнал «Твент», в котором напечатана анкета: «Что вы думаете о будущем? Каковы идеалы вашей жизни? К чему вы стремитесь? Молодые люди Западной Германии честно ответили на анкету, и их ответы опубликованы. А у нас? Многие ответят точно так же, как и за рубежом, но их ответов «Смена» не печатает. Я уверен, что и мое открытое письмо в редакцию тоже не будет напечатано, да это и ни к чему. Один совет я дам редакции. Напечатайте, пожалуйста, анкету: «В чем счастье советского человека? Вот тогда и можно будет убедиться, прав ли я.

А какое может быть счастье у нас в лесном поселке? День работаем, приходишь домой, сходишь в столовую, затем в кино — и спать. А утром опять на работу. И так изо дня в день, из года в год. Ну разве это счастье?

Есть в поселке клуб, но там, кроме кино и танцев, ничего не проводится. Есть и комсомольская организация, но она не работает. Товарищи из райкома годами не заглядывают к нам. А о парикмахере и говорить не стоит: забыть, когда он здесь был. Зато не забывают руководители Деревянского лесопромхоза заходить в наш магазин водку, ее всегда достаточно. Вот молодежь и проводит все свое свободное время за бутылкой водки и в этом находит счастье. Очень плохо у нас обстоят дела с лесозаготовителями, а ведь их труд тяжелый. Вы сами бы убедились в этом, товарищ Захарченко, если бы приехали к нам.

Я долго думал, отправить это письмо в редакцию или нет, и мое сердце подсказало отправить. Прошу вас еще раз, пожалуйста, не сердитесь на меня. С приветом.

Николай СМИРНОВ.

Мой адрес: Карельская АССР, станция Деревянка, поселок Ольгино, общежитие.

Я не сразу по получении письма Николая Смирнова влезал в поселок Ольгино, чтобы разрешить мушкетир его вопрос: может ли быть счастье в лесном поселке, где о парикмахере, в частности, «и говорить не стоит»? Больше того, я долго колебался, стоит ли вообще ехать туда: очень уж различное представление о Николае складывалось у меня при чтении и перечитывании его письма.

С одной стороны, он казался человеком принципиальным и думающим.

С другой... Судите сами: «Вам, сидя в Москве или развезжая по стране, легко писать такие статьи, а на самом деле делаю бы то же самое, а вот попал бы вы к нам в Ольгино да поработали в лесу годика два-три, тогда бы заговорили совсем о другом...»

Эти строки вызвали у меня раздражение. Николай Смирнов не согласен с точкой зрения В. Захарченко? Это его право. Но точнее за словами о том, что он считает статью неприципиальной и даже нечестной, следует утверждение, что на месте В. Захарченко писал бы такие же статьи.

Но в конце концов, поколебавшись, я списал эти строки (назовем их мягко: непродуманные) на полемический запал и решил, что в Ольгино ехать все-таки нужно. Как знать, не поможет ли авторитет представителя печати нанести порядок в клубе, оживить работу комсомольской организации и решить проблему парикмахера, то есть устранить программы, стоящие, судя по письму, у Николая Смирнова и его товарищей на пути к счастью!

Сейчас я могу с полной ответственностью сказать, что та часть письма, в которой говорится, что в клубе, кроме кино и танцев, ничего не проводится, что комсомольская организация существует лишь на бумаге, что все мужчины в поселке, начиная от чикирощника и кончая начальником участка молодым инженером Юрием Баяляновым, ходят разрошши, полностью соответствует действительности. И если бы Николай не констатировал горестно эти факты, а возмущался бы ими, я бы его горячо поддержал: безобразия!

Да, товарищи, безобразия, что столько молодых, жизнерадостных ребят и девушек ждут приезда корреспондента «Смены», чтобы навесть порядок в собственном клубе! Безобразия, что приходится обращаться в Москву для того, чтобы в поселок приехал парикмахер! Трижды безобразия, что никто из комсомольцев, вклю-

СЧАСТЬЕ!

чая секретари, ни разу не зашел в райком и не попросил помощи или хотя бы совета!

А ведь это было так просто! Мне, например, пришлось сесть в поезд, через два с небольшим часа зайти в Пронесенский район ВЛКСМ и, не представляя, попросить секретаря райкома посодействовать несчастным ольгинцам. Более того, я робко осведомился, нельзя ли денег какому-нибудь титанических усилий поможешь тем, кто желает учиться: ведь школы-то там нет.

— Почему нельзя? — ответили мне. — Можно! Нужно! И учиться нужно: специально для таких, как они, создана заочная школа рабочей молодежи. Почему же они раньше не обратились?!

А действительно, почему?

Да, работа из райкома, конечно, сплеховали. Но их еще можно оправдать: был райком Мишеринский, а район огромный. Ну, а чем оправдать ольгинцев?

Недавно и позвонил в Петрозаводский и с радостью узнал, что теперь в Ольгине все ходят стриженые и бритые, а кто хочет, — учится. Заводская жизнь по частям унесенная. Комсомольцам придется еще некоторое время довольствоваться кино и танцами в чистом виде, пока райком не подберет подходящую кандидатуру завлукбю или пока они сами не вспомнят случайно, что организация досуга является некоторым образом их кровным делом.

И говорю сейчас об ольгинской молодежи и не упоминаю Николая Смирнова потому, что ему не удалось воспользоваться плодами своего письма. Когда я приехал в Ольгине, Николай там уже не было. После одной «остроумной» шутки (репуте ее таков: берешь лошадей под уздцы, заводьшь ее в комнату объектива, затем поджигаешь хвост и быстро выскакиваешь, заперев за собой дверь), Николай Смирнов был вынужден в самом срочном порядке покинуть поселок, чтобы избежать встречи с участниками уголовно-очечным, обладающим не столь развитым чувством юмора.

В общем, так или иначе, моя поездка не оказалась безрезультатной. И если только самодеятельности не хватает теперь ольгинским комсомольцам для полного счастья, то я им заведу.

Но, если говорить серьезно, дело, конечно, совсем не в этом. Труд в лесу действительно тяжелый, условия жизни спещифические, трудные. Проблема коренного изменения труда и

была лесозаготовителей заслуживают отдельно большого разговора, и будем надеяться, что обсуждение этих проблем на страницах «Комсомольской правды» и «Литературной газеты» приведет к эффективным результатам.

Что же касается счастья, то, по моему убеждению, это понятие слишком емкое, чтобы ограничить его рамками культурного обслуживания, коммунальных удобств и материальной обеспеченности. (Кстати, я забыл сказать, что средний заработок в Ольгине — около 180 рублей в месяц.)

М так, о счастье. Может ли быть счастье в лесном поселке? Да, может!

Вы слышите, как закричала перья? Это люди, живущие в лесных поселках, протестуют против моего утверждения. (Одно из таких писем — перед вами.)

Давайте свое мнение. Может ли быть счастье в лесном поселке?

Нет, не может!

И снова письма. И снова от людей, живущих в лесных поселках. И снова решительное несогласие.

Так может или не может быть счастье в лесном поселке? Нет или да? Да или нет?

По-видимому, и да и нет. По-видимому, для одних возможно, для других нет.

Ну, а для Николая Смирнова?..

Но прежде о том, как, в каком из многочисленных значений понимать «понятие слово «счастье». Ведь оно на редкость многозначно!

«Толковый словарь» В. Дала разъясняет: «Счастье — благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь без горя, смут, тревоги; вообще — все желанное, все, что поводит и доводит человека по убеждению, вкусу и привычкам его».

Николай Смирнов пишет: «Напечатать, пожалуйста, анекдот «В чем счастье советского человека?». Вот тогда и можно будет убедиться, прав ли я».

Но знаю, нужно ли публиковать такую анекдот (опросы подобного рода проводятся не так уж редко), но допускаю, что немало, очень немало в редакционной почте будет именно таких писем, которые так хочется увидеть Николаю.

Что же действительно есть категория людей, которых полностью «поковит и доводит» обладание холодильником, машиной, дачей — то есть тем, что можно приобрести за деньги.

При таком понимании счастья все просто: че-

ловек, зарабатывающий в месяц двести рублей, вдвое счастливее того, кто зарабатывает сто рублей; человек, живущий в Новосибирске, счастливее человека, живущего в Ольгине, а москвич счастливее всех.

Такие люди убеждены, что обеспеченная жизнь — это и есть счастливая жизнь. И если мы тоже условимся, что счастье — это те удобства, которые можно приобрести за деньги, то тут и спорить не о чем.

Но правильно ли такое примитивное толкование счастья? Ведь даже Николай Смирнов при всей его неприязнимости видит в счастье нечто гораздо большее!

И я претендую на то, чтобы дать здесь всеобъемлющее, единственно верное определение, унаси бог! Но думается, что один из коренных показателей счастья — степень удовлетворенности (а не довольства) человека своей жизнью во всех ее аспектах.

Из чего же складывается эта удовлетворенность?

М не вспоминается сейчас довольно необычная сценка, свидетелем которой я случайно стал позавтракавшей осенью в Хибинах, на строительстве огромного обогатительного комплекса. Как-то в обеденный перерыв сидела возле комсомольского штаба стройки, разговаривала о всякой всячине. Было сухо, солнечно — стояли последние дни бабьего лета. Из репертуара несладкая легкая музыка. Настроение, словом, было самое мирное.

Собрались здесь человек двадцать: сам на-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

21 (923) **НОЯБРЬ** 1965 год издания
Сором второй
Выходит два
раза в месяц

чальник штаба Владислав Борисов (на его благородном лице поблескивало несколько надменных светлых очков с золочеными дужками), несколько членов штаба, активисты и просто комсомольцы — будущистры, сварщики, шоферы, зерновщики. Все было как всегда, привычно, примерно одинаково: в вагонки, замасленные или залитые растором, в кирзовые сапоги... и потому я сначала не обратил внимания на парня, который боком протиснулся к крыльцу. И только когда он, изучив момент, подполз Владиславу какой-то листок и стал что-то негромко объяснять, мне невольно бросилось в глаза выражение его лица — какое-то умятое, жалкое, простельное.

Случая его, Борисов поморщился, потом преврал:

— Говори погромче.

Парнишка слегка смутился, но стал говорить громче. Когда он замолчал, Борисов вслух прочел заявление:

— «В связи с трудным материальным положением прошу оказать мне единовременную материальную помощь... Как ваше мнение, братцы? Или это так и будет по положению? — понижаясь в голос, — Ну, как вы думаете?»

— Да вот, говорит, зарабатывает мало, азна на носу, шапку нужно купить, зимнее пальто. Да ты сам объясни — всеи!.

После объяснения, которое было похоже на монотонную покаянную речь, наступило неловкое молчание.

— Ну что же,— сказал наконец кто-то.— Деньги в профсоюз есть, нужно парню помочь. Я его знаю — второй год у нас. Не идет. И вообще тихий.

— Значит, считайте, что нужно?.. — задумчиво переспросил Борисов и обернулся к парнишке, который перемаялся с ноги на ногу.— Сколько ты получишь?

— Так, шестидесят... А почему ты получаешь только шестидесят?

— Как почему? Все подсобники столько получают!

— Как почему? Приняли подсобником, вот и работаю... В голосе парня прозвучало недоумение и легкое раздражение.

— Я предлагаю не давать ни копейки,— помолчав, сказал Борисов.— А что касается о каком деле не загнущис в кепочку, дадим ему валяким, а? Вот у меня есть трешка. Кто любит?

За время нашего знакомства с Борисовым у меня сложилось к нему почтительное к себе отношение не только деловое, но и отчасти юмористическое. Увидела она, по-видимому, и ребят — они смотрели на Владислава с ожиданием.

— И вообще серьезно! — сказал он и положил трешку на крыльцо.— Кто добавит?

Предложили не очень решительно:

— Вот у меня полтинник от обеда остался.

— Давай сюда!

— А у меня рубль...

— Вот еще полтинник... Рубль... Полтора... Поднимаемся, выкладываем на крыльцо деньги и возвращаемся на свои места. На лицах некоторых я заметил успехи.

Борисов вел счет:

— Восемь рублей, девять пятяцатов, десять пятяцатов... Ты запомнишь, запомнишь, кому будешь отдавать!.. Одинадцать... четырнадцать...

— Парень, все больше хмурис, исполдовьям выгладывал то на Владислава, то на ребят, то на расступую кошку деню.

— Двадцать. Хватит,— сказал наконец Владислав.— Забирай.

Парнишка не двинулся с места.

— Что ты стоишь? Бери! Ты же просил — вот и бери!

Парнишка круто повернулся к нам, не глядясь, шагнул прочь.

— Обиделся,— резюмировал кто-то.

— Хоть обиделся — и то уже ничего! — пробормотал Владислав.— А то принял: шапку не давал, купил! Беднягина! А ты тоже хороши: дать, дать! А с какой стати? Кто он, безурный, безногий? Здоровый парень — смотреть противно. Лучше вы Ивану дайте.

— А мне не надо,— откликнулся тот, кого назвал Иванов.— Я уже как-нибудь сам заработаю. Особенно если штаб наведет порядок на растворяном узде.

— А он что, не может? Второй год в подсобниках, скажи на милость! Как будто у нас все с подсобников начинали. Великая доблесть — тихий! А небось, на курсы сварщиков приглашали, уговаривали — не пошел! Тихий! Борисов сердито взглянул в сторону, взглянул на крыльцо! — Разбир шарь вино...

...Урок мне показился слишком жестоким, и чуть позже я не преминул сказать Владиславу об этом.

— А ты итак не лезай,— ответил он.— Пусть обидится, пусть разозлится! Может быть, хоть это его немного встряхнет.

Я напомнил Владиславу, что не далее как третьего дня он вымывал у начальства бесплатную туалетную бумагу и горько болел из-за сумму единовременного пособия для одного комсомольца, у которого заболела жена.

— Это — другое дело. Стечение непредвиденных обстоятельств. Ты думаешь, мне денег жалко? Мне этого дурака жалко! Принимает же я в работу, что от беднейшей и слабейшей! Не люблю неудачника, торгует не могу! Здоровый, сильный парень — на пальто себе не может заработать, черт знает что! Это не беда его, а вина. Именно вина! Он объясан хорошо жить!

И я знаю, в какой мере унизжение, намеренно жестокое оскорбление можно рекомендовать для широкого распространения как метод воспитания гордости и достоинства в молодом человеке. Но в принципе, думается, Владислав прав.

Эпизод этот имеет прямое отношение к нашему разговору.

Николай Смирнов пишет: «С некоторыми молодыми людьми на нашего поселка я разговаривал и все один за то, что бед денег нет и не может быть счастья!»

Я тоже разговаривал с некоторыми молодыми и немолодыми людьми из поселка Ольгино и не только из этого поселка, и все они действовали так, что бед денег нет и не может быть счастья.

И за это.

И В. Захарченко. (Кстати, статья «Понятие слово «счастье» Николаем прочитана немаловажно: ни в строках ее, ни между строк нет утверждения, что деньги — источник всякой роли в жизни советского человека.)

И говоря вообще, любой здравомыслящий человек, если только он не закоренелый ханжа, не станет начисто перечеркивать значение обеспеченности.

Исключая из сферы обсуждения особые случаи, требующие всякий раз персонального рассмотрения, разве не справедливо утверждение, что роль скорого общества состоит из граждан, а благосостояние его складывается из обеспеченности отдельных его членов, то не может быть счастья? И не справедливо ли утверждение, что не умеет или не хочет позаботиться о себе и своей семье? Просто инкульцируемо им гражданам!

Мысль эта не оригинальна. Я подерживаю ее потому, что в последнее время мы слишком часто говорим об обязанностях человека перед отдельным индивидуумом, забываем о том, что общество — это все мы, а не некая существующая сама по себе касса взаимопомощи, средоточие индивидуальной безответственности. Мы слишком часто разрываем неразрывные понятия: ответственность человека перед обществом и перед самим собой или перед членами своей семьи. А без одного нет другого!

Да, материальная обеспеченность — одна из важнейших составных частей счастья, и предмету моего человеческого не «идет, где лучше». Я горячо приветствую самые смелые его предприятия (с тем, разумеется, условием, что они остаются в рамках моральных понятий общества, не говоря уже об уголовном кодексе). И если бы Николай Смирнов пожаловался на то, что в Ольгино он мало зарабатывает и нет возможности зарабатывать больше, и от всего сердца посоветовал бы ему: «Увольняйся и уезжай! На Качкунку, на Сахалин, на Колымку! Или в рабство, а добровольно, в шахтеры — для здорового, сильного парня, не чужающего труда, у нас достаточно возможностей — земного и большого заработка. Увольняйся и уезжай! Не хватает денег, увольняйся!» — и честная заработавшая денег! И это вовсе не означает приглашение в лету.

а, материальная обеспеченность — вещь и весьма существенный элемент счастья.

Но главный ли? Достаточный ли?

И здесь мы расходимся во мнениях! Николаем Смирновым. Он считает, что деньги — основа всего, что деньги и счастье — понятия тождественные. Со всей категоричностью он отстаивает свое убеждение: «Не вам, уважаемый товарищ Захарченко, правды, настоящая правда, а не ты, о которой вы пишете, а не вы, кто так переубеждает! Или если приведете тысячи примеров из жизни советских людей!»

И я не располагаю тысячей примеров, да у меня и возможности не было бы привести их все. Но даже одним-двумя мне хочется сейчас помять.

Вот первый. Недавно и встретил одного знакомого, молодого инженера, которого давно и видел. Раньше он работал заместителем начальника цеха, теперь, как выяснилось в разговоре, перешел в конструкторское бюро. Потерял зарплате около тридцати рублей. Но доволен: работа интересна.

Подобных случаев каждый из читателей смог бы вспомнить тысячу раз и не три. Я намеренно привел именно такой пример. Это изоблажает мнение о необходимости прилагать к статье справку из отдела кадров этого завода, в которой бы подтверждалось, что инженер Борис действительно не имеет никаких жалоб и даже против желания начальства добился перевода на нижеоплачиваемую работу.

Что же кроется за этим обмудненным фактом? А как раз та самая мания, которая мания на камне не оставляет от системы доказательств столько убежденных в равнозначности денег и счастья!

Нужно ли множить подобные примеры? Нужно ли доказывать, что большинство людей ищет гораздо больше, чем легкая жизнь, чем то счастье, которое можно заработать в рубль? Нужно ли разяснять, что они стремятся к счастью, которое невозможно без творчества?

Нет и не может быть настоящего счастья без чуждого и трудного. И именно поэтому, которое испытывает человек от своей работы. А морального удовлетворения нет, если в деле, которому он отдает время, труд, знания, опыт отсутствует творческое начало.

Именно поэтому так распространено понятие счастья на составляющие — а отсюда след отчит в том, что такое расчленение весьма искусственно, — вторая составляющая счастья — наличие творчества — является, на мой взгляд, гораздо более важной, чем первая.

И из истории и из практики современности мы знаем немало примеров, когда людьми приходилось выбирать между материальной обеспеченностью и творчеством — между этими двумя элементами счастья. Но так давно мы прочитали в «Комсомольском правде» о молодом Нине Александровне Лебедевой, которая много лет работала над выведением новых сортов картофеля методами, которые считались не научными, вредными, работала, встречая лишь презрительные взгляды окружающих.

Конечно, если бы не приходилось тратить энергию и душевные силы на устранение искусственных препон, куда более значительными были бы результаты труда, куда более полным моральное удовлетворение!

Но каково-то несей знала Лебедевой тех умений, которые, подобно ей, пожертвовали материальными благами во имя верности своим убеждениям, своему делу, которые не пожелали, другими словами, лишиться того самого творческого счастья, которое они создавали. Но были ли счастливые те из коллег, которые сделали другой выбор?

В лучшем случае — довольны. Да, счастье, отождествленное с деньгами, — своего рода доводимость моральной счастья. И только!

Жизнь Лебедевой — один из тех примеров, которые называют негитичными, исключительными. Но именно исключительность часто означает, просияет моральные категории. Именно потому, что в жизни Лебедевой и ее коллег — потому что сегодня могу с уверенностью утверждать — разумеется, но-прежнему не отрица значения материальной обеспеченности,— что вторая составляющая счастья несравнимо гораздо более важной, чем первая.

Счастье рисуется мне невольной уютной бу-

той и морем, от которого бухта ограждена подолными рывками. Бухта — это та самая обеспокоенность, которая не дает спать. В противном случае морю, будет счастья перспективной всю жизнь простоять на якоре в этой бухте?

Я позволяю себе еще больше нагружать эту сложную конструкцию. Бухта — маленький мир личной жизни человека, морская вода — общественная жизнь. Но какой морю, в нем есть права назвать себя гражданством той, кто не нашел в себе сил или решимости пробиться через прибрежные заросли к бухте. Человек, задержавший свою лодку, свой корабль перед границей личной жизни, не имеет права называть себя гражданином той, кто не нашел в себе сил или решимости пробиться через прибрежные заросли к бухте. Человек, задержавший свою лодку, свой корабль перед границей личной жизни, не имеет права называть себя гражданином своей страны, полтораправым членом нашего общества, но до этого ему еще нужно преодолеть насивость, до подлинного гражданства ему недостает еще одного элемента — сферы общественной деятельности, а следовательно, в сфере творчества.

Именно «сделательно!» Творчество не ирреально несет в себе общественное начало, оно есть гражданственное. И потому человек не может быть по-настоящему счастливым — просто доволен жизнью, а именно удовлетворен, — если он живет в своем замкнутом мире личных дел и забот, если он — в той или иной форме — не участвует в общественной жизни.

Здесь мне хочется сделать небольшое отступление — «сделательно!» — написали однажды ритные администраторы в характеристике одного студента художественного вуза. Действительно, за пять лет парней я разу не выступил на собраниях, ни разу не выполнял общественных поручений. Даже иногда отказывался от них, считаясь за недостаток времени. Каждую свободную минуту он проводил у своего мольберта.

Каазалось бы, справедливо: «общественно неактивен». Но, простите, для кого он старался, для кого он тратил энергию своей души — для широкой публики?

Другой пример более злободневный. Недавно в моем присутствии члены бюро райкома комсомода одного из наших крупных промышленных городов «прорабатывали» молодого инженера, который отвалился стать начальником цеха в конструкторском бюро. Он оказался буквально следующим: «Ты талантливый конструктор, личность творческая, и ты обязан принимать активное участие в общественной жизни!»

— Да не справился я, ребята! — взмолился парень. — Душа у меня в такой работе не лежит. Не хочу я это любить!

— Ничего, смейся, спрашивай, полюбуйся! Все лучше, чем в одиночку отсиживать вечера в КВ!

А лучше ли? А обязательно ли связь человека с обществом должна проявляться лишь в виде выполнения какой-то заурядой, участия в работе дружки и т. д. и т. п.? А не слишком ли большой урон несет и сам человек и все остальное при таком примитивном понимании общественной активности?

Но, что сам человек, увлеченный своим делом, не ощущает своей связи с обществом, не нуждается. Но комсомольский работник, общественный деятель обаятелен и в то же время приносящим, обязан учиться отлачивать активность, не быющую в глаза, от насивости.

Продолжу разговор, и вновь о резонансе. Статья обрывается и Николаю Смирнову и его сверстникам, то есть к тому, кто еще только вступает в жизнь. А ведь гораздо чаще в жизнь вступают не через технический и тем более творческий труд, а через труд мастера — мастера работы, слесарюшка. Какое творческое начало может быть в труде слесаря, токаря, шопера? В работе художника, писателя, журналиста, инженера-конструктора и даже инженера-администратора — понятно. А как с профессиями бое-

Да точно так же! Подобно артисту, ремесленнику, бездумным автоматом или вторым мозгом может быть и шופер. Как топарь может гнать по заученному шаблону стандартные детали или же выдумывать свои, так и журналист обязан творить, а может и гнать по шаблону статьи — детали с наиважнейшим всем в зубах «тремгацинскими трудовыми буднями».

И инженер в той же степени может быть творческим ремесленником, но разумеется, в своем свое время, как вторым или третьим ремесленником.

ком может быть слесарю или машинист трехочного крана.

Итак, не все прилагается к профессии. Это настрой души!

■ Увернется в Николаю Смирнову. Сегодня в Олэпине по-прежнему оценивают его последнюю шутку, а также и все предельно, о которых не стоит говорить подробно. Самая крайняя точка зрения у молодежи: хулиганство. Другой полюс у некоторых представителей старости: это денщиком. Чем стал лучше, никому не известно.

Был киномехаником. Тем самым киномехаником, который крутил фильмы в «Голуме», так сказать, выдвиг и выдвиг не шевельвая, чтобы хоть что-нибудь изобрести. Это денщиком. Чем стал лучше, никому не известно.

В всяком случае, сейчас ясно: Николаю Смирнову не хватало как раз той самой «мелочи», которую не купишь ни за какие деньги. А именно — работы по душе, творческого начала. И, наконец в редакции писем, признание от первой до последней строчки острым недовольством собственной жизнью, он, в сущности, признался в этом. Перечитайте внимательно, и за категоричностью суждений, за страстностью неприятия мнений других читателей вы увидите не злопыхателя, не самодовольного механика, а растерянного человека, человека, терпящего под собой почву.

И конечно же, не для того, чтобы разрешить проблему признания, ссылаясь на то, что вы бы наши встреча с Николаем состоялась, а бы спросил прежде всего:

— Достаточно ли ты изучил свое дело, чтобы с полной уверенностью сказать, что оно не для тебя, что к нему у тебя не лежит душа? Если так, то попробуй себя в чем-нибудь другом.

Случаю угодно было распространить иначе: Николай обонял без моего совета. Но дело ведь не только в Николае!

Хочется привести еще одно письмо из редакционной почты:

«Дорогая редакция! Я вам обращаюсь два девятию. Одной из нас 18 лет, другой 20. Посоветуйте, как нам жить дальше. Мы надеемся, что мы поведем себя так же, как вы, безразлично и нашему писателю. Идем мы в Архангельской области, в поселке Коржана, Рабочий поселок и живем в шесте рабочей бригады. Мы все делаем, нам из-под пальца. Мы совершенно ясно и четко понимаем, что нам делать, что нам не нужно, ничто не интересует, в общем, такое безразлично ко всему! Даже побеспокоиться о пище — и то лишь, ничего, совершенно ничего не надо!

Дорогая редакция! Вы будете удивлены, что в наш отстойный век среди молодежи есть такие элементы, но тем не менее это так. Полное разочарование в жизни. Мы хорошо понимаем ничтожность нашего существования (иногда это называть меланхо), но, и сознательно, не в силах что-нибудь предпринять. Не подавайте, что мы «меланхоичны» до конца. Нет! Изнач нас не балует, а лишь мучает. Такое душевное состояние, что видеть никто не желает, хочется, чтобы было так, как вы, чтобы было так, чтобы не обращался, часто без всякой причины хочется плакать, в голове лишь один вопрос: «Дня много?» И в работе мы живем, свободное время проводим дома. Мы и сами задаем себе часто вопрос: откуда такое безразлично ко всему? Мы и сами задаем себе вопрос: почему мы живем такими длинными, один день похож на другой, и ничего нам не надо, только покой и тишина? Мы и работаем, пользуясь. А ничто нам не надо, ни нам нехота, потому что и там будет скучно. В Бога не веруем, но подумываем, не поступить ли нам в секту. Что мы нам делаем? Как вернуть себя к жизни? Хотим жить, хотим работать, хотим учиться. Просим опубликовать письмо в журнале. Будем ждать вашего ответа. Спасибо читателей».

Может, не один мы такие?

Г. И. Т.
п. Норильская

На первый взгляд, для совершенно разных писем. Но это только на первый взгляд. Дело в том, что оба письма написаны людьми, находящимися почти в одинаковом душевном состоянии, а кажуцающаяся разница происходит от различия характеров. Потому одно письмо взаимно-дружеское, другое — упрямое. Да и верно, что при желании можно было бы опубликовать не один десяток точно таких же писем. Я уверен, что каждому педагогу, каждому мастеру на заводе, вообще каждому человеку, именуемому человеком, рано или поздно придется столкнуться с девушкой, которая на вопрос: «А чего же ты,

собственно, хочешь?» — отвечает: «Не знаю». Или по-другому: «Идеи приходят на новые деньги. И не по часам, а сразу».

Часто такого рода признания служат поводом для обвинения всей молодежи отцом в инфантилизме, бесхребетности, в меркантилизме и прочих грехах.

Да при этом даже користоность? «Десят тысяч сразу» — это всего лишь синоним для «не знаю», это всего лишь форма, наиболее доступная, наиболее близко лежащая и потому — по мальчишескому еще нездоровому — без разумной выработки для выражения собственной неудовлетворенности.

«Чего-то хочется, а чего — неизвестно.» Наверное, такое состояние переживает каждый молодой человек. Но один — незаметно, другой — открыто. Если же человек не знает, что ему мне видится в том, что в молодом человеке просыпается и дается о себе знать ж а ж д а т о р ч е с т в а, которая заложена в каждом, но способ ее удовлетворения еще не найден.

Доктор философских наук И. Кош (подписалось все-таки псевдонимом!) пишет в статье «Что такое «найти себя» («Известия» № 201, 1965 г.): «Сам по себе это неудовлетворенность действительностью вполне естественна и исторически оправдана. Но если человек не знает, что ему не оказалось полностью удовлетворенным, это означает конец развития, конец прогресса. За реализацию идеалов нужно бороться, нужно работать, действовать совместно с другими людьми, а не предаваться индивидуальным мечтам и идеям, как это делают некоторые философы». То есть эта проблема решается не созерцанием, а деятельностью...»

И вот потому-то я и повторяю:

— Если ты хочешь зарабатывать деньги — зарабатывай деньги! Если ты хочешь помояться по стране — мойся по стране! Если ты хочешь быть приключенцем — ищи приключения! Ищи, пробуй, действуй! Но только не ной! Возьми себя за шиворот и встряхни! Под лежачий камень вода не течет, а дороге осилит только тот, кто не будет всю жизнь медлить с первым шагом!

Конечно же, я не настаиваю на том, что путь к счастью лежит прежде всего через путь к материальной обеспеченности, а затем уже далее. Вызывает так. Не менее часто бывает и наоборот: человек не слишком хорошо определился в свое призвание, чувствует обеспеченности, не думая о ней, не стремился к ней специально.

Конечно же, я не настаиваю, чтобы по прочтении этой статьи человек непременно корнями образом менял свою жизнь, смылся с места жительства, переехал в другую страну, от самоанализа к действию становится армия, для других — учеба.

Ну, а если нет...

Не скривите носами, дорогие оппоненты, я знаю, что говорю! Пусть этот парень отправляется за длинным рублем: у него будет гораздо больше возможностей понять ничтожность этой цели в пути, чем ежели бы он сидел дома и тоскливо созерцал собственный пуп! Пусть он отправляется по трудовому договору в какой-нибудь заимечер через всю страну — он скорее убедится, что созерцание пейзажей не может стать смыслом жизни! Может быть, в трудных условиях оно проявится черта характера, о которых он и не подозревал: это трудолюбие, встреча с реальностью, действительно счастье! Но человеком наставит его перепрыгнуть мелочь прежних убеждений, казавшихся непоколебимыми. Может быть, жизненные переделки... Да все может быть!

Итак, о летулах. Летун — это искатель, а его к жизни — молчанья — колесас. Это человек, который не сумел посмотреть дальше ближайшей цели, который подменил стремление к духовному богатству стремлением к материальному благополучию. Это бездушный человек. И я пишу для ребят, которые уже начали думать.

Я обращаюсь к умным людям, ибо неслучайно для дураков — занятие бессмысленное.

Нет, не в погоне за длинным рублем ради длинного рубля, не в погоне за приключением ради приключения — приключений и азарта, не в погоне за длинным рублем ради длинного рубля, не в погоне за приключением ради приключения — приключений и азарта, не в погоне за длинным рублем ради длинного рубля, не в погоне за приключением ради приключения — приключений и азарта.

ИТАК, ЧТО ЖЕ ТАКОЕ СЧАСТЬЕ? КАКИЕ ДОРОГИ К НЕМУ ВЕДУТ?

ВСЕГДА В СЕРДЦЕ

Евгений ВОРОБЬЕВ

Шесть городов-героев послали в Брест моторизованные эстафеты. Представители Москвы, Ленинграда, Киева, Севастополя, Одессы и Волгограда зажгли Огонь Вечной Славы на территории Брестской крепости-героя.

Кто был той сентябрьской ночью в Брестской крепости, навсегда запомнит праздничные приметы торжества.

В три часа утра, как раз в то время, когда фашисты внезапно обрушились на крепость, прозвучал сигнал боевой тревоги. Он поднял на ноги обитателей палаточного городка, созвал их на большой сбор. В небе загорелись ракеты, вспыхнули прожекторы, трепетал вечный огонь. Огни праздника отражались в невозмутимых водах Буга и реки Муховец, огибающей стены крепости. Эти воды некогда отражали свет первых боевых ракет, первые вспыхнули выстрелов и пламя первых взрывов войны.

Шаткие отсыветы факелов ложились на лица юношей и девушек, которых священная брестская земля, обильно политая кровью героев, сделала земляками, однопольчанами, побратимами, соединила узким дружибы, сроднила.

Защитники крепости вручили символический ключ от нее молодым людям, которых уполномочила на это трехмиллионная армия юных следопытов — тех, кто пришел в Брест дорогами отцов.

Белорусская земля смешалась в эти дни со сталинградским черноземом, взятым со дна окопов, начиненных пулями и осколками, с сулинком противотанковых раво Подвисоковья, с солнечным Переколом, с каменистой, будто в нее подмешали цемент, землей Белгорода, с ракушечником одесских катакомб, с заветными камнями Севастополя, с черной, угольного оттенка землей

Донбасса, с песками балтийского взморья, которые еще хранят в своей памяти следы морской лехоты, с болотистой почвой партизанского Польесья, с многотрадной, скудной землей Смоленщины.

Эту землю принесли сюда в куляках и мешочках, в хисетах и ларцах, в платках и коробках, в носышках и пакетах, в рюкзаках и солдатских касках. Участники слета прилежно сажали деревья на Аллее Героев. И когда в свежевзынутую лунку горстями подсыпали землю, привезенную из других краев и она смешивалась с белорусской землей, чтобы вместе питать корни саженца, посадив зеленого насаждения превращалась в церемонию, полную драгоценного и сокровенного смысла: каждая пядь родной земли хранит память о подвигах своих сынов, и вся советская земля — из края в край — питает и лелеет всходы мирного труда.

Полон потаенного пафоса тот факт, что финиш всесоюзного похода советской молодежи, прошедшей фронтовыми путями-дорогами, состоялась на территории Брестской крепости-героя. Ее защитники на рассвете 22 июня первыми приняли на себя удар фашистов, здесь, на этой земле, они впервые явили всему миру непреклонный героический характер советского человека, отстаивающего завоевания Октября.

Однако торжественный финиш Всесоюзного похода советской молодежи по местам боевой славы вовсе не означает, что трехмиллионная армия следопытов, посланная в Брест своих офицеров связи, своих полпредов, считает свою задачу ре-

шенной, спешит демобилизоваться, свернуть работу.

В памяти народа живут подвиги его сынов и дочерей, имена героев, но еще много предстоит дел, чтобы увековечить великие свершения советского народа, чтобы обнародовать имена безвестных героев, чтобы вывести обильно платан на карты Великой Отечественной войны и партизанского движения, восстановить подробности, воздать должные почести живым и мертвым воинам, узнать, кто похоронен в безымянных братских могилках.

Вновь вспоминаются прекрасные строки из «Величия Теркина» Александра Твардовского:

Та память вынесенных мук
Жива, притихшая в народе,
Как рана, что нет-нет и вдруг
Заговорит и дуриной погуде...

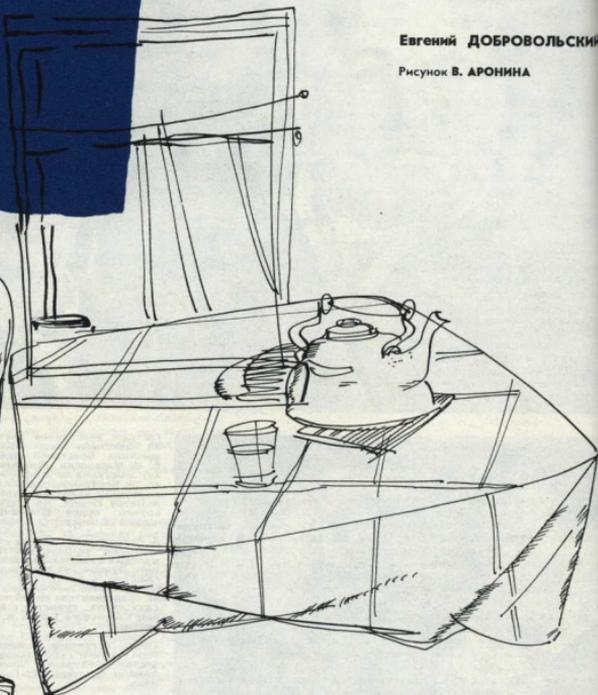
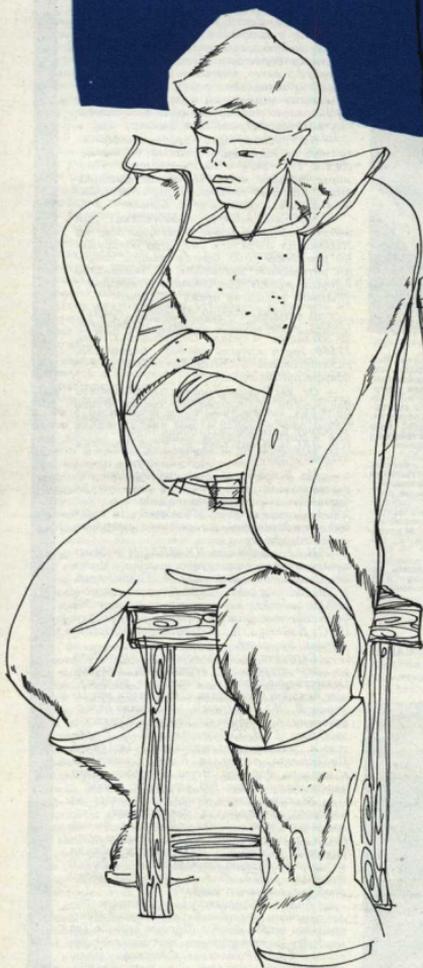
Многообразная и разнохарактерная работа требует всех сил, ума и сердца от юношей и девушек, которые хотят по праву называться наследниками боевой славы своих отцов.

Плодотворно, например, потрудились ветераны войны и школьники в Поньриках. Здесь, в поселке и на станции Поньры, разыгралось ожесточенное сражение, во многом предвещившее исход всей Орловско-Курской битвы. На этом направлении главного удара немцев за пять июльских дней были отбиты 32 танковые атаки.

Когда-то Поньры сливались своими блоками, пассажиры проходящих поездов записались здесь янтарной, пахучей антоновой, и на станционной

Евгений ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Рисунок В. АРОНИНА

ГЛАВНЫЙ НЕРВ

РАССКАЗ

дядя Василий Кириллович прислал фотографию из Крыма. Почему из Крыма?

Отчим вздичкал. Отчим говорил матери: «Бесстыжая все ж таки рожа у братца твоего». Мать вздыхала, жалела Василия Кирилловича.

Вспоминали его часто, но не ждали. Так получилось, что сразу после войны, еще до рождения Лешки Круглова, дядя уехал искать свой талант. Говорили, объездил всю Советскую страну. Рыбачил на Сахалине, старался с артелью в сибирской тайге на реке Мама, потом вроде бы добывал уголь в донецком городе Енакиеве, но нигде не мог осесть, остепениться, завести семью и детей, потому что с самого раннего детства был непутевым.

ся одеждою, мгновенно засыпал, видел во сне Соколову-Пустынь, бакеши на Оке, дом старух Лашинных...

Нет одинажды было это в субботу, сказал Леша по поселку на столбовой в общепите. Было ему сытно и споконно. Он уже прошел ларек «Вода» — воды на улице Мира, когда его оклинули Никанорыч.

— Ты чего здесь делаешь? Свиданье?

— Нет.

— Хочешь, пивом угощу?

— Спасибо. Не надо.

— Чего это ты солидный? Влюбился, что ли? Говори, говори! Влюбился? Да любовь нельзя, не верю тебе. Гулять не с кем — другое дело. Приходи ко мне завтра, Вадик позвонит.

— Вадик? — сказал Леша — приду.

Никаноричу хотелось поговорить: еще Леша ему нравился. Он бы поговорил с Лешей, но рядом у ларька «Вода» — воды стоили кадоровые забойщики, все с кружками. Пили «Игулевское», смотрели: кто это он, Никанорич, разговаривает с зеленым хлопчиком? Неудобно, все-таки бригадир.

— Ну, давай, до завтра. Заходи авечером, — заторопился Никанорич, отвернулся от Лешы, кинулся кому-то у ларька: — Петро, и на меня бери, а сейчас!

В воскресенье Леша пошел в гости.

Жил Никанорич в Еленовке, полтора километра от шахты; — не то село, не то поселок.

Лешу угостили настоящим добнским борщом, посадили на диван. Он сидел, курил. В комнате тихо и чисто. Блестели фотографии в резных рамках. Блестал лубяный буфет. На буфете две кошки-кошкили, уши золотистые блестящие. Блестели листья фикуса, смазанные постным маслом. Никанорич предупредил Лешу, что ждет гостя.

— Знаешь, — сказал Никанорич, — у меня дед был знатым крепильщиком. Про деда каждый день или по радио, или в газете что-нибудь писали.

Вспомнил дед. Знаменитый был дед, депутат. Знал все шатерные машины. От города — агрополи, проносили, от облака — слава богу! или чего дай богу, тут и так и так можно; про главный нерв...

— Глупости это все — об главный нерв, — сказал Вадик.

— Дурак ты, вот ты кто, — обиделся Никанорич.

— А может, и не глупости, — сказал Леша.

— Конечно, не глупости, — сказал Никанорич. — Про главный нерв многие не слышали, а между прочим, в этом больше наука и, судя по всему, народная мудрость.

Никанорич увел Лешу в другую комнату, показал фотографии деда. Фотографии лежали в большой коробке из-под папирос «Волго-Дон». Там же в коробке два ордена.

— Леша потрогал ордена, тяжелые, с потертыми ленточками. Желтое — золото, серое — серебро... Примерил орден, посмотрел в зеркало — как? Вроде ничего. Знатный шахтер Леша Кругулов.

— В принципе главный нерв есть у каждого человека, — сказал Никанорич и пошел.

— А у тебя есть главный нерв? — спросил Леша.

— Нет, у меня нет. У тебя тоже нет... У деда был. Его почувствовал, когда будет большая боль, — это я не в том смысле, что кто-нибудь врежет тебе зубам. Это философия?

Словом «философия» Никаноричу понравилась, Никанорич повторил: — Это философия, это трудно понять. Но раз нерв самый главный во всей нервной системе, значит, если оборвется, человек сдастся — и конец.

— Ну, я сшить, или как там у врачей? — начал было Леша.

— Глупый ты, ей-богу! — сказал Никанорич. — Давным-давно, может быть, двести или сто лет назад, была шахтерская молитва, называлась «Душу спаси, а тебе смысл пересказано. Смысл такой, что есть у человека главный нерв, понятно? Надо его укреплять, Леша? Третью он, как кожа на пятке, тогда попробуй порань. Но нужно знать свой нерв заранее. Понял?

— Понял, — сказал Леша и подумал: «Глупости. Никакого главного нерва нет. Все нервы главные». Никанорич любил поговорить, когда его слушали. Леша слушал. Никанорич начал рассказывать про свою службу. Никанорич был старшим сержантом в роте авиационного обслуживания, сокращенно — РАО. Летал у них летчик подполковник Титаренко. Настоящий ас, еще в войну летал, большой опыт. Но ядром на последние полетами иланину. Сначала думал, что летчик, а потом третий раз, потом третий. Слесили с летной работой. Сдали нервы. Вот он, главный нерв. Или такой еще случай, здесь, в Еленовке, у механика Королькова. Пил помаленьку, баловался. Постепенно потерял над собой контроль — теперь больной человек. Тоже главный нерв.

Но особенно интересно рассказывал Никанорич про город Чебоксары. Он учился в Чебоксарах на шофера, но не доучился по зрению. Много там училось разных людей, всякие чудики. Вот, например, был у них Лекса Шимкович. Как выйдет на сцену, как начнет: «Гайане, ты моя, Гайане», — зашумитесь...

Леша слушал. Интересно, но прерывалась все, что услышал он тогда интересно, нет смысла. Все это или почти все, кроме самой истории про главный нерв, не имеет никакого отношения к дальнейшему повествованию.

Они вернулись к телевизору.

— Сейчас по пчелу передавали, — сказал Вадик. — Интересно, у пчелы пять глаз, водохонца...

Закурив.

— Вада, ты и Татьяна сегодня пойдешь? Своди парня, познать.

— Добро.

— Я не пойду, — сказал Леша.

— Брось, — сказал Никанорич. — Вадим, ты с ним одних габаритов, дай я пощипу синий пиджачок.

Вадик подумал, поморщил лоб.

— Ну, тогда дай ему китаянку кофту.

— Кофту? Кофту кому. Таких много.

Леша надел китаянскую кофту, и они пошли к Татьяне на танцы.

Татьяна жила в белом финском доме. Серая шиферная крыша, голубые ставни, в палисаднике мальвы, и на каждой штакетнике по краине. С улицы было слышно, что у Татьяны танцы. Танцевали в большой комнате. На Лешу не обратили внимания, поздоровались и забыли.

Леша сел в углу, сидел ногой на ногу, играл с хозяйским котенком. Был Леша обидно, что надел Вадичью кофту. Все, конечно, заметили, смотрели на Лешу презрительно. Татьяна он сказал, что не умеет танцевать. Она подошла к нему, спрашивая: «Ну как?» — он не устоял ей, потому что Вадик танцевал, что Вадик танцевать, говорил за него: «Ничего, пусть приглядывается. Мы его научим».

Вадик был влюблен по уши, Леша сразу заметил. Леша подумал, что если отбить у Вадика Татьяну, то Вадик расплачется. Татьяна красивая. На такой женщиной — не стыдно показать. Приехать домой с женой. Леша закрыл глаза. Сразу увидел Татьяну и себя, как они идут по улице, муж и жена. Татьяна говорит ему всякие ласковые слова, инкогда не стыдится, пусть люди слышат, и все завидуют ему. Почему она не может влюбиться в него? Разве Вадика лучше?

Леша открыл глаза, увидел Вадика.

— Я пошел, — сказал Вадик. — Мне в ночную за Симанка. Он свою старуху в роддом повел. Пойдем!

— Я подожду, — сказал Леша.

Вадик ушел. Теперь с Татьяной танцевал другой парень — Витенька Деревягин с первого шахтоуправления. На Витеньке белая рубашечка, Брюсы со стрелочками. Глупости это все. Теперь Леша знал точно, что поначалу Татьяну любит только он, Леша Кругулов, и она его должна полюбить.

У него еще не было любви, но ведь должна же быть! Без любви не бывает. Может быть, ему просто не везло? Но должно же ему повезти! Она красивая, глаза у нее добрые, он расскажет ей про три тысячи, про доллар, про котенка. Сразу увидит Татьяну и себя, как они идут по улице, За короной она ходит умеет, они купят рыбку. От рыбки молоко कुछе.

Леша сидел в углу, думал.

Гости расходились, не забывали его. Прощались за руку. Когда разошлись все, Татьяна подошла к Лешу, долго смотрела на него, зевнула, прикрыла рот кончиком пальца, пошла в миникорич.

— Приходите к нам завтра. Приходите, мы вас танцевать научим.

Татьяна сама открыла дверь: «До свидания». Одной рукой поправила волосы, другой вертела блестящую пуговку на платье.

— До свидания, — тихо сказал Леша и ядруг шагнул к ней, прижал к стене.

— Енормальный... Маме крикну. Отпусти, крикну сейчас, ненормальный.

— Не кричи, не надо, — чуть слышно повторил он, целовал ее волосы, плечи, плалла, задыхался жуткой радостью, а когда шел по стелю, возвращаясь к себе, нюхал свои руки, уносил на них в запах, запах цветочного запаха, и жареных семечек. О, как он был парнем, Леша Кругулов. Ужасно смелый парень! Теперь ему все было легко, а что?

Он пришел в общепите после двенадцати. Назавор уже вернулся из клуба. Серый пиджак висел на стуле. В кармашке на груди голубой платочек, подернутый уголок. Сам Назавор стоял на коленях посреди комнаты, поднимал газету, чистил ботинки и напевал про букет из Ниццы, кто-то кричал ему:

— Перестань скунить, — сказал Леша.

— Че-нет! — сказал Назавор и поковырял пальцем в ухе.

— Скунить, гоеорю, перестань.

— Да я же тебя... Кабанера аска командовать будет...

Назавор не успел подальше. Правой рукой Леша схватил его за ворот рубашки, рванул вверх, на мгновение разжал пальцы, прихватил заодно щетинистые волосы на затылке и, выставив вперед колено, со всей силой ударил об колено лицом.

— За что? — выплюнул Назавор.

— За здорово живешь. Дурак...

Утром у Назавора под глазом висел ужасно здоровенный синяк. Старож на шахте сказал: «Ручная работа. Большой мастер делал».

Теперь Леша ходил в Еленовку каждый день. Татьяна угощала его варениками со сметаной и жареным молоком. В молоке плавали ломтики красной ленин. Приходил Вадик. Вряд ли сидели на скамеечке в саду. С деревьями падали перелесные слывы. Было споконно, бездумно, будто где-то рядом начинается дождь, теплый, редкий. Вадик рассказывал анекдоты. У него они были по сериям: детские анекдоты, анекдоты про еврейскую историю, анекдоты про ресторан.

Татьяна стегала Вадика косышкой по плечу: «Ох, и хулиган же ты, Вадик». Татьяна краснела. Леша тоже краснел, кусал губу. Леша не рассказывал анекдотов, он думал, что когда-нибудь он расскажет Татьяне, как он ее очень любит. Она поймет, она унаея. Потом он увидет ее на Оку, в Соколовую пустынь. Там сейчас грибы, белые, колосовики, шляпки по одному пальцу — загодит. Эх, и красивая будет у них жизнь!

А пока каждый вечер сидел в саду. Вадик смешил. Иногда ходили в клуб. Как-то в воскресенье поехали в Енкиево.

День был жаркий, на остановке очередь. Леша остановил такси, сел впереди, в Татьяну. Вадик сидел сзади.

— Добро, — сказал Леша. — Нам побыстрей.

Они приехали в город, вылезли на площадь у автостанции. Напротив, из «Домовой кухни», несло жареным луком, ветер гнал по асфальту склянками автобусные билеты, обертки от мороженого.

Леша купил мороженого, всем по жезнику. Спустили в кино. Посмотрели польский фильм «Общая на Зеленой». Когда кого-нибудь убивали, Татьяна хватала Лешу за руку, говорила: «Ой! Леша убила, сжимая ее пальцы, больше взглянуть на Вадика, смотрел на экран.

После кино сфотографировались в «Срочном фото» на тарелке. — Сколько вам тарелок! — спросил фотограф. Подумали, решили: одну. Путь тарелка хранится у Татьяны, висит в большой комнате. Справа — Леша, слева — Вадик, между ними — Татьяна, над ней Спасская бахша с зубцами, со звездой, и часы показывают без четверти семь.

Назад тоже взяли такси. Ехали на старой-старой «Побед», Вадик смеился шофера. Шофер охал, качал головой:

— Могла! Натуральная с тобой, шашер, могла, Ты в самостоятельности участвуешь?

— Нет, а что? — Зря! Могла с тобой!

Шофер склял зубы, смотрел в зеркало над стеклом. Зеркало он повернул так, чтобы видеть Татьяну. А Татьяна опустила голову, сидела серьезно, красная, знала, что Вадик смотрит на нее, и разрешала шоферу смотреть. Леша было обидно.

Доехали до Еленовки, расплатились. Вадик дал шоферу лишней рубль. Шофер сказал:

— Мерси, Хореще ребята. Ну, могла прямо с вами, ей-богу... Он еще издевался в саду, молчал. Леша думал, как бы сказать Вадиду, чтоб не мешал. Складывая слово к слову так, чтобы не было обидно, он уже придумал, как сказать, но Вадик догадался. Поднялся и ушел, неловко прикуривая на ходу. Татьяна взяла Лешу за руку, прижалась к плечу:

— Ты сейчас иди, Лешенька, иди, как с Вадиком дело нужно поговорим.

Леша морщил глаза: все понятно. Ему понравился ее слова. Это хорошо, что она Вадьку жалует, добрая, значит. Жена как раз и должна быть доброй.

Леша шагал по стелы, спать не хотелось. Зашел на шахту, поговорил с дежурным слесарем. Посидели, покурим.

— Что, женщины собрались, пообщались слесарь.

— Да вроде бы — говорил Леша.

— Ну-ну, — зевал слесарь. — Женись. Я тоже вот семь лет уже... Женат, да...

В обихитине Леша вернулся утром. Разбудил Назарова. Назаров с утра любил поговорить.

— Извини, Лешенка, — сказал Назаров, — но нет в тебе фанона, а в любви главное — фанон, я это понимаю, и поэтому мне в любовном деле нужна черта край. Была у меня одна, могу описать. Тамарочной звали. Законная девчонка... Вся ей жизнь поклячила. Эх, полюби меня, если горя не вдал...

— Что ты ей говоришь!

— Ну что говоришь? Всякое говоришь. Тебе с Татьяной надо поговорить!

— Надо.

— Татьяна — девочка очень питательная. Тут ининий быть не может. Но у меня и другой опыт у нас.

— Думашь, она меня не любит?

— Да ведь кто ее знает? Может, любит, а может, нет. Говорят, она вашего Вадика рыжого на прицеле-то держит.

— Она меня держит.

— У вас что, было?

— Было.

— Ну тогда ясно, — запел Назаров. — Тогда понятно. Молодец! Дашь стране угу. Такую девку взял, хвалю... Как она, честная была?

— Честная.

— На вот! Или врать, или она тебя обманула. Татьяна красная, с ней многие гуляли. Не поверю, обманула тебя. Лучше скажи, как вы там с ней.

— Я целовал ее, и она два раза.

— И все!

— Назаров скинул одавало, начал кирнуть волосинедя.

— Ой не могу, ой насмешлив... — хохотал Назаров. — Господи, и откуда такие?

— Очень скоро Назаров надоело дергать ногами, взглянул на часы, заторопился в столовую: скоро в смену. Обязался по полюс полотенцем, сунул в карман губку. Назаров не любил шахтных мочалок, надел кепку, пощавовал ухе в дверях:

— В следующий раз целоваться будешь — пыль в свой страхин.

Леша не обиделся. А что? И правильно: хватит молчать. Сегодня он скажет. Но не будет молчать. И оттого, что он был уверен, что сегодня не будет молчать, делавшая ему смешно, странно, как бывает всегда, когда знаешь, что все будет хорошо.

Леша начал собираться, он, наверное, догнал бы Назарова на поллуту, но пропала голова от лампы. Леша ползал по комнате, заглядывая под кровать, под тумбочку, искал за батареей. Сначала улыбался — вот ведь рассасный явкой, потом начал злиться.

Когда открылась дверь, Леша лег на шкаф. Леша не ушел, кто вошел, не услышал дыхания, торпировало, тяжело. Это был Назаров. Назаров вытер пот со лба, зорал:

— Обманула тебя, шалава! Обманула! Где ты, Леша?

— Здесь я. Чего орешь?

— Ой Леша, ох... По порядку скажу. Выхожу, встречаю Кольку, знаешь Тимченко Кольку? Принет, принет, а сам себе думаю: ты же мне друг, подниму нашему Леше авторитет. Верно! Ну я и говорю Тимченко: «Леха нас Таньку делал», — а он смеется. Рассказываю, утром Вадика у главного три да просят.

— Ну?

— Что кину? Конь — большая голова... — застал Назаров. — Вадика с ней расписали и просят три да на свадьбу.

Шиф, за который он только что лезил, Назаров с белым полотенцем повернул рамина, плакал: «Храните деньги в сбербанковской кассе...» Все дернулось в одну сторону, потом дернулось в другую сторону. Поплыло.

— Убью, — сказал Леша, оттолкну Назарова, вышел в коридор. На лестнице он еще раз сказал: «Убью», — положил лоб на перила и заплакал.

— Братцы, держите его! — вдруг ни с того ни с сего зорал Назаров. — Не в себе человек, держите, братцы!

Ну и началось.

Каждому интересно, что такое? Что случилось? Лешу Круглова положили на кровать. Леша лежал, закрыл глаза, а Назаров орал на всю комнату, будто был в гряде, под дык.

— Понимаете, братцы-шахтеры, какое дело! Он в Таньку Коровичко влип, а она с Вадиком — муж и жена. И как он про то узнал, и сразу у него замкнуло.

В комнату входили разные люди, одних Леша узнавал по голосам, другие были ему неизвестны, но всем им Назаров рассказывал про него, про Таньку. Все они что-нибудь совтвали. Одни серьезно, другие шуто.

— Говорили мне, но ведь никогда не думал, что любовь на людей так действует. Не верил... — говорил Назаров.

— Ты верно, Назаров, сейчас на 25-й комнате... Странно даже, как... Я в смену не пойду, — сказал Назаров. — Сам видешь, глупость какая, «убью» кричит, и руки на себя хотеть наложится. Молодой, заманила она, а много ли ему нужно, в первый-то раз? Я с ним пописку, Врача, может, вызвать? Схватил ошор, домин.

— Так было до вечера. Венчором Назаров спросил: «Жрать будешь?» Леша молчал. Назаров хлопнул дверью, пошел в кино.

По ступе, по луной дорожке, ползла муха. «Вот и я такой, как она», — пожаловался Леша какому-то воображаемому добруму, уютному, очень хорошему человеку. Воображаемый человек молчал, аму как а теплая!

— Видишь — все потерял! — сказал Леша громко, но и на этот раз воображаемый человек молчал.

Все потеряно, все его жизнь, весь он теперь несчастный, маленький, как муха. Удар — и готов. Татьяна не будет его женой, не будет у него триста тысяч. А зачем ему три тысячи? Нет у него счастья.

Открыл окно. Ветер хлестнул в лицо, по заплаканным щекам. А может, действительно было ветрено. «Сколько слива наплател!» — подумал Леша, и ему захотелось туда, в Еленовку. У Татьяны в доме гости. Дверь открыта, свет на крыльце. В окнах тепло, слышно, как поют.

Если ехать на автобусе, он будет в Еленовке через десять минут, но, кто его знает, когда будет автобус. Ему не хотелось ждать, он пошел ступью, через край, на огоньки.

Ночью степные травы пахнут сильней, или так казалось ему. Он шел, спотыкаясь. Запах ночной степи — очень сложный запах. Тут и полынь, и укроп, и почечуйник, и жимолость, и все это вместе кружит голову.

Он шел ступью. У самой Еленовки остановился. Дальше не пошел, стоял полчаса, а может быть, даже час, искал Татьянины окна, плакал, шмыгал носом. В глазах прыгали огни, слышались, как на промывающей, и подбородок мокрый-промокающий.

Он бы мог стоять так до утра. Утром Татьяна увидит его, спросит: «Что ты, Леша?» Он скажет: «Да так, жду...» Или совсем ничего не скажет, повернется, пойдет. А она пусть смотрит ему след. И пусть толку, уже когда она будет старая, вспомнит, как он ждал ее до утра, и пусть она будет жалеть и плакать.

Он потянул ворот, вытер подбородок. Он сказал: «Ну ладно», — потом сказал: «Хватит!» — достал из кармана папиросу. Спичек у него не было, вышел на шоссе, прикурив на остановке, стоял, курил, будто ждал автобуса.

Подождал автобус, распахнул двери. Шофер посмотрел на Лешу сверту: «Чего стоишь? Влезай». Но Леша не спешил, махнул рукой — проезжай. Выкурив папиросу всю до фабрики, долго ям окурю.

В обихитине возвращался ступью. Подожал, постоял у крыльца. Было уже поздно, вот-вот заиграют гимн.

Возле дежурки ребята рубились в колесо. Придвинули к дивану стол, все знакомы вместе со сватертой положили на нем. Леша вошел, все установили на него, замолчали. Он понял, горючили о нем.

— Леша, садись, сыграем, — сказал Эдик Чибисов. — Садись.

— Я не хочу, — сказал Леша.

Да плонь ты на нее, — сказал Чибисов, зурьбуясь. На наш век двасочек хватит, садись...

Леша ничего не сказал. Чего тут горючить? Подошел к титану, налил в кружку воды, пил, колнал на ребят. Они играли, совсем не глядели на него. Он вытер губы, пошел на не спешил. Он пошел наверх, чувствовал, что теперь все смотрит ему в спину, но ничего не скажет, что с ним, — смеяться или не смеяться. Он не оглянулся.

Все оказалось умней, чем он думал. Только Оляка Тимченко, когда он утром пришел в ламповую, щурила красные глаза — гуляла всю ночь на свадьбе, — хихикала, заглядывала ему в лицо, хотела что-то сказать.

Он кинул ей номерок, авал свою лампу, мог идти, но Оляка высунула голову на окосившую хвосту, растунула губы. Она знала, что может ударить его, ему будет больно, ей — интересно... Она искала первое слово, она бы сказала, если бы он спешил. Но он надел аккумулятор, застегнул ремеш, снял каску, прикрывая лампу... Он бы мог сделать все это во дворе или ухе в кепке, но нет, он не спешил, и Оляка не знала, с чего начать.

— Ты слышал, — с утра бурлила штурма. Оббуривались, забрызгивая, отпаллины. Варма шархану по штренку, покатылся — бу-бу-бу — полтора километра до ствала.

Еще не отошел дым, Никитичиры полез вперед, осмотрел обитый уголь, плюнул:

— От маля, зараза, твердый. Опять будто шилом его ковыряли! — Скинул брезентовую, остался в тельняшке. Рукава отгораны, на груди дыра. Пижон. Передвинул аккумулятор на пузо — так удобней.

— А ну, гвардейцы, навалились, — сорвался — Дером, что ли, на свадьбу гулялки!

Зря он так сказал. Тут же сам понял, что зря, но поздно. Обернулся к Леше, и все обернулось, у каждого по каске лампа.

Леша закрыл глаза. Леша стоял весь освещенный, — каждая пуговка, каждая складка... Леша мог улыбнуться, но он не улыбнулся. И правильно, что не улыбнулся. Леша мог сказать что-нибудь, хоть два слова, или выругаться, или сказать: «Зачем вы так смеялись, вы были уже не страшно, потому что где-то в гряде, он мог показать пальцем — где, больше главный нерв. Свой, настоящий, новенький.

ДУМ ВЬСОКОЕ

Человек входит в торемную камеру-одиночку. Белые шершавые стены. Окошко, затянутое решеткой, так высоко, что в него не заглянешь. Дощатый стол. Забурет. Провисшая койка с казенным тощим одеялом.

Человек входит сюда споконно. Вешает на гвоздь черное пальто. Садится к столу. Он один. Он молчит.

Он один! Он молчит? Нет, с ним здесь целый мир — города, страны, люди. Мы слышим голос его мысли. Голос мысли Ленина.

Так начинается фильм «Ленин в Польше», о котором уже сегодня можно сказать, что это — новое слово в кинематографической Лениниане.

Вот уже тридцать лет творческий путь Сергея Юткевича связан с ленинской темой: «Человек с ружьем», «Рассказы о Ленине» и теперь — «Ленин в Польше». Разные годы. Разные фильмы. Но есть в них общее: особая мера ответственности художника, высшая степень этой ответственности.

Без малого три года продолжалась работа над картиной, и это был единый, от первого до последнего дня непрерывающийся поиск.

История создания фильма сложна, драматична: работа, начата несколько лет тому назад автором сценария Евгением Габриловичем и режиссером Валентином Нев-

СТРЕМЛЕНИЕ

ЭПИЗОДЫ ФИЛЬМА
«ЛЕНИН В ПОЛЬШЕ»

зоровым, была прервана безвременной смертью постановщика. Затем за дело взялся Юткевич: он стал полноправным советником сценария, вместе с Габриловичем искал он новое образное решение темы. И оно было найдено. От первого до последнего кадра картины зритель — равнодушный, увлеченный свидетель живого, непрекращающегося, неодолимого движения ленинской мысли. Ленин думает, он думает при вас, для вас. Голос Владимира Ильича не разъясняет, не комментирует события, разворачивающиеся на экране: он проникает в глубь фактов и судеб, он словно высвечивает все изнутри, наполняет все огромным обобщающим смыслом.

Австрийская часть Польши — страня, разъятой, униженной под властью трех императоров. Вот уже несколько лет Ленин живет тут в эмиграции, вдали от родины, но связанный с нею всеми помыслами, тайными нитями подполья: в Краков, в Поронин, где семья Ульяновых проводила летние месяцы, идут шифрованные письма и большевистские издания, сюда едут и едут из России десятки людей. Бессильны жандармы, бес-

Переправа

Не помеченные на карте
и текущие так, задря,
подмосковные речки
в марте
разливаются в полумору.

Ледяная, убивающая,
снеговая вода,
с каждым часом прибывающая,
заливает пойму тогда.

Это все на неделю, на две,
а потом все слышит, уйдет.
Ну, а две недели

разве
так легко прожить, пережить!

В эти самые две недели
в марте, в 42 году,
на меня вешиком надели.
Я сказал: сейчас пойду.

Дали мне лошаденку: кивлая,
рылая. Рыжей мене.

И сказали кличку: «Веселая».
И послали в зону огня.

Злой, очтачный и голодный,
до ушей — в ледовитом огне,
подмосковную речку холодную
переплыл я тогда на коне.

Мне рассказывали: простудился
конец
и до сих пор хрипит.

Я же в тот раз постыдился
в медсанбат отнести свой бронхит.

Было больше гораздо спросу
в ту войну с людей, чем с коней,
и, казалось, не было сносу
нам,
и не было нас сильней.

Жили мы без простудной дрожи,
словно предки в старину,
а болей мы стали позже,
когда выиграла войну.

Равенство в еде и в тесноте,
в норме хлеба,
в пайке воздуха,
в круглосуточной,
почти без роздыха,
каждодневной суете.

Лодка погибает вся и сразу,
офицеры и матросы вместе.
Равенство пред жизнью и пред
смертью,
ради дела, а не ради фразы.

Очень развотый народ,
точно понимающий задачи,
знающий про кислород
и по книге и по недостатке.

изучивший углекислоту
по учебнику, по переэбытку,
а давление и высоту —
как попытку и как пытку.
Шутят все. С утра до вечера.
Знают, что без шутки пропадешь,
но следят,
чтоб выходило вежливо,
без
грязнящих самолюбие
подошв.
Крепко, каменно сжимают руку,
взглядом прямым пламями
и читают Пушкина друг другу,
что приятно
очень
для мене.

Карандашный набросок

Никогда не учился в школах,
только множество курсов прошел:
очень быстрых, поспешных,
скорых,
все с оценкой на «хорошо».

Очень трудно учиться отлично.
А четверки легче даются.
А с четверкой уже прилично
и стипендию выдают.

С тихими, странными, мерным гулом
в голове
ото всех наук

стал мой друг стальным и
чугунным,
но ученым
не стал
мой друг.
Стал он опытным. Стал он дошлым,
стал привычным и даже точным.
Ото всех переподготовок
стал он гучи, и тягуч, и ковок.
И не знаючи,
только сведения
застреливал в его мозгу.
Вот и все, что до общего сведения
доставит о нем я могу.

Дмитрий СУХАРЕВ

Каргополочка

Полоскала каргополочка белья,
Стыли руки на морозе у нее.
В посылке воде — не чай,
Привлекала незнатная,
Чуть слетала песня та,
Паром таила у рта.

На Онеге больши снег да белый лед,
Над Онегой белый дым из труб идет.
Дым идет белей белия
Изо всякого жилья,
Изо всякой мастерской
Прямо в небо день-денской.

Город Каргополь — он город невелик.
А забыть его мне сердце не велит.
Момент, он и мал слегка,
Да Онега велика,
Да не мерены леса,
Да без краю небеса.

Так и вижу — на Онеге белый лед.
Так и слышу — каргополочка поет.
Пусть мороз лютует зло,
Все равно у нас тепло,—
Грел бы душу лад и труд.
Шел бы дым из наших труб.

Горы

Горы, горы.
Что нам горы эти!
Что на горы эти
Мы глядим, как дети!
Мы глядим до боли
Синими глазами
На большие горы
С белыми снегами.

Ветры дуют,
Снег лежит, не таит.
Все попередумать
Времени хватает.
Там в соседстве с небом
На верхних горах
Думается снегу
О зеленых долах.

Доли, доли,
все леса кудравы.
Не у нас ли дома
Мягче пуха травы?
Речи все парные,
С маля до велика,
И летит над ними
Журавль-журавка.

Горы, горы.
Что нам горы эти!
Что на горы эти
Мы глядим, как дети!
Мы глядим до боли
Синими глазами
На большие горы
С белыми снегами...

Сергей ПОЛИКАРПОВ

О, не по мне ль зоняет колокола,
Со звоном неба круглого сплавясь!
О, не меня ли ждет венчаться старя,
Покою вечным соблазнить менясь!

Мне кажется порой, что отцвели
Сраженья,
Поражения и победы
И на чело усталое земли
Я падаю ее печальным следом.

О, не по мне ль зоняет колокола!..
Ко встрече с прелеподней

Я таковой, притготовясь,
В чем мама родила,
На суд свою выликиваю совесть.
Встань!
Отвечай —

Пробил ответа час,—
Все ль на, что тебе написано от роду,
Ты делала по правде —
Не на глаз,—
Во всем ли ты блюла свою породу!

И не был долд ли праведный забит
Минуты словобулда во мязь!
Присуту осквернивший
Да сплавит
Себя
Руками занков своим!

Мне в верности увериться вели,
Чтоб знать:
Когда подняться сил не зватит,
Над нами встанет дола родной земли,
А не тяжелей коп людских проклятий.

Солнцецек, как уголь, раскалил,
Аж шипит под пятками босыми...

Дни ребячих наверзных времен
Каплям слетают дождевыми
В зальбье,
Как в жузную листву,
Сорванную доглыми ветрами...

Кажется порой,
Что я живу
Пастухом,
С барьянми стадами
В глубы недостойности лугов,
В сиях непроходности альпийской,
Не было на свеге ни врагов,
Ни друзей по доблести и риску
В держке набеги на сады
И на хуторские огороды...

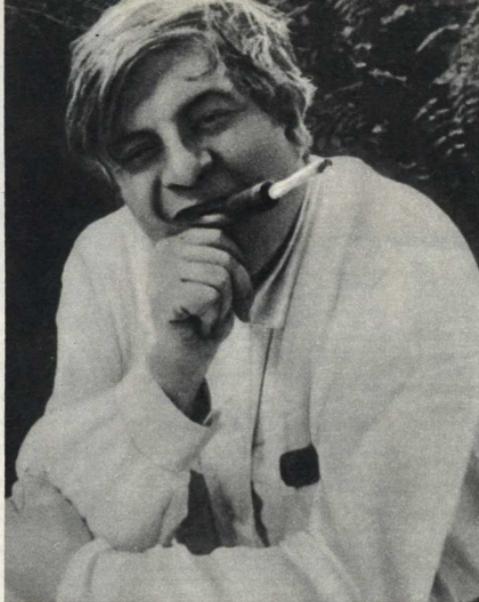
Сколько вешией сплавли воды
С круч своих
Оседания догды...

Трепет детских судков ученеи,
Зыбкой курс сданы переоценеи...
Сколько полустершихся имен
Добродело до выдуманных цепей!
Сколько осенила благодать
Из босой нальпийской оравы!
Зрелым дням
Все тьяче упадать
В блеклые, задумчивые травы.
Име уже считать я не тружусь,
Но числом их
Жизнь под, оесь мертв...
Есть на свете твою кормылени, Русь,
И в твою звезду,
Как в бога, верит.

Матросу

Катится солнце над морем,
Волны взлетают и плещут,
Благословен благодатный,
Пахнущий солью простор.
В толках мы спины сгибаем,
В угольном чаде и поте
Палубы мыли. По мечтам
Лазили с рея на рея,
Ломот убогого хлеба,
Водка, что горло сжигает,
Боцмана ругань — какое
Счастье служить моряком.
Но в Октябре заповедным
Флот мы покинули дряхлый,
В руки винтовки — и валом
Двинулись на города.
Кто в офицерских погонах,
Кто в гайдамацкой папаче,
Не избежит вам свинцовый
Разгоряченной пчелы.
В битву мы шли, как на праздник,
Мелом голландки сняли,
Брюки разглазены, ленты
Плещутся над головой.
Били врагов под Ростовом,
На Перекон наступали,
Подстерегали Петлюру
На броневых поездах.
Ныне окочены битвы,
Пыль покрывает дороги,
Где проползали обозы,
Где проходили полки.
Конечно трудное дело,
Кровь подсыхает под солнцем,
Снова в широком море
Смелый выходит матрос.
Крепок союзом упорным.
Смортит он в шумные даки,
Слышит, кинит и рокомет
В сердце рабочая кровь...
Помни, матрос: чтобы снова
К небу взлетали лебедки,
Чтобы токмали с товаром
Порт завалили кругом,
Ты постарайся обязань,
Чтобы рукою рабочей
Флот был построен торговый,
Чтобы задымился суда,
Чтобы вода за кормом
Мыльно белой пенкилея,
Чтобы наполнили трюмы
Желтою грудой зерна.
Выпелом красным сверкал,
Судно идет за границу,
Из-за границы навстречу
Шумный бегит пароход...
Все для торжества флота —
Наша мечта и желанья,
Сила ладоней упорных,
Взгляд и решительный ум.
Катится солнце над морем,
Волны взлетают и плещут,
Благословен благодатный,
Пахнущий солью простор.

Одесская газета «Морник»
4 марта 1923 г.

Одессе есть всемирно знаменитый
филологический институт. Там летит и
высвобождают зрение.

Вообще в этом городе есть нечто —
может быть, морские ветры, или солнце,
или улицы, то базарно разноглаго-
льное, то амфино строгие, то лениво бездумные,
то промывае, освежает взгляд. Одесса — художе-
ственная, Одесса талантливая, она владеет своей тайной
облаки. Камни Одессы хранят легкую походку
Пушкина. От стен неуклюжего порта поднима-
ются крылатые ступени, смышлявшие шаги мат-
росов броневоса «Потемкин». С высоты потем-
кинской лестницы виден морской горизонт.

А за Одессой волнуется бескрайнее украинское
жито; пыненное дыхание смешается с соляным —
с морем.

Удивительно ли, что когда ветры революции
примчались в южный город, то в потрясенных
глазах молодых одесских писателей мир отразился
художественски, словно негдальное открытие...
И эстетичной иронией И. Бабеля, и умным ве-
сельем И. Ильфа и Е. Петрова, и мечтательностью
В. Катаева, и виртуозностью С. Кирсанова, и фанта-
зией Ю. Олени — всем этим мы, право же,
в чем-то обязаны и Одессе, родному городу мно-
гих даровитых наших литераторов.

Среди них, зачинателей советской литературы, —
Эдуард Георгиевич Багрицкий (настоящая фами-
лия — Дзюбин), родившийся в Одессе 4 ноября
1895 года. Что окружало поэта? Да, Одесса, пре-
красная Одесса, и море, и солнце, и... ничто,
и «свищенное мерзость» старой России, и — как
одно из проявлений старого мира — испуганный
мирок дореволюционной еврейской общины, с ее
строгими «скрижалями», с отвержением инаково-
вещающих, с ее нравственной духотой. Тогда-то,
в пустыне мерзости, пригрезившиеся кононе дале-
кие страны, неведомые корабли, невиданные ми-
ражи. Непреодолю постылому, постылому, умлому
императиву заведенных обычаев и пропавшей в
поэтической душе возникшая своя беззастенчивая же-
лательная. Багрицкий позже рассказал об этом в
стихотворении «Происхождение»: «И все выво-
рот. Все как не надо. Стучал сазан в оконное
стекло; конь штебета; в ладони астрей падал; пая-
сло дерево. И детство шло».

Впервые стихи Эдуарда Багрицкого были напе-
чатыми в 1915 году. В большинстве своем стихо-
зопованые, полные красотей и эстетизирован-
ных химер, стихи молодого поэта появлялись в

тогдашних одесских сборниках под странными на-
званиями — «Авто — в облаках», «Седьмое покры-
вало» и им подобными. Но Багрицкий уже привет-
ствовал Маяковского...

Как поэт и человек, Эдуард Багрицкий неотде-
лим от Октябрьской революции. Именно она дала
ему новое зрение.

Любимейшим героем Багрицкого был, наверно,
Тыя Уленшиггелъ. В 1922—1923 годах Багрицкий
создает три монолога Уленшиггелъа, а в 1928 году
снова вспоминает своего Тыя. Его герб: «Тяже-
лый ясеневый посох над птицей и широкопалой
шапкой».

«Тыя — вечное беспокойство, он везде
и всюду, он будит от сна довольных, зовет на
бой гордым». «С Убогой лютлей, с кистью живо-
писца и в остроумном кожанке шута» он идет по
стране «свободным местнелрем», в нем — «дух
вольности и гордости родной». И он открыт всем
щедротам мира, всем ливням, росам и лучам.
В Багрицком всегда словно бы жила Уленшиг-
гелъа. В самые тяжелые, в самые одинокие минуты
ему казалось, что стоит, подобно Тыю, засыплет
бездумным жаворонком, как... «вдут потух, не-
истовый и знонкий, мне отвечает из-за груды
пиды, летух — неисправный горожанин, оруди и
дни восставши и сраженны».

Этот образ вовсе не был простым переизвом
известной «Легенды...» Шарля де Костера. Нет,
в устах Багрицкого монолоти Уленшиггелъа звуча-
ли раскованным голосом новых времен.

И вот, одна засмыкая трубу битвы, Багрицкий —
Уленшиггелъ в 1917 году уходит на фронт, нахо-
дится в войсках за Каспием, потом в самом начале
1918 года возвращается в Одессу, чтобы в огне
гражданской войны сражаться пером и винтов-
кой, частушкой и анкетой... в газете и на брон-
е, в клубах и в партизанском отряде. Он воюет
за поэзию, за волю, он мстит за пуги всех
герцогов и датгесов: «И мстил за Пушкина под
Перекопом, я Пушкина через Урал пронес, я с
Пушкиным шатался по окопам, покрытый вилами,
голоден и бос», — говорит поэт от имени бойцов
революции, принимающих на себя судьбу поэзии.

С 1925 года Эдуард Багрицкий — в Москве, он
живет под сенью сосен пригородного поселка
Кунцево. В 1928 году в Москве выходит первый
сборник его стихов «Это-запад». Сборник от-
крывается стихотворением «Птица», которое
написано в 1918 году. В нем, как говорится, «ни
слова о политике». Но вот как птицелов видит
мир: «И пред ним — зеленый сизу, голубой и си-

Багрицкий тревожится, что ведающее, живущее мифически, темное биологическое творчество существа сделает поэта и его союзное «черемуху, попочку и лирику Фета» предметом кулач-продукции: «Как хочешь — распивою как на вынос!» И выкинет эти на песья Тили Улеиншиггем...
«Также мигнулы поэту «и нож — не по чести, перо — не по нраву, кирка — не по чести, и слава — не в славу»...»

И ни орностро выражается в свою алоую природную стихию, где существует лишь один закон — предельного напряжения жизни — все Андыб ограниченней, ани бы зыкты «Во славу природы раскиданя зверя, распыхаты вода». В 1926—1927 годах Багрицкий пишет стихотворение «Контрабандисты», в нем и контрабандисты и контрабандисты учувены жестокой второй жизни. Поэт в алоуем отчаянии провозглашает: «Тот зыкты дами сыпался кровь человека, чтоб выстрелом рватья всеюной навстречу, чтоб воля запела отоглятый народ, чтоб злобая няня ковернала Ав, Черное море, короче море!» Проблема нравственного выбора здесь не стоит. Только свобода пьют поэта.

Итогом многих раздумий и воспоминаний явился «Дума про Опанаса» — 1926 год. Безудержный Багрицкий на этот раз содейт снетую и грустную поэму, которая вместе с «Думой» и эпос, и сказание, и веца струя лирики. Беспорочно, это — лучшее произведение Багрицкого (незадолго до смерти, в 1933 году, поэт возвращается к алоубному детству и пишет арибрто оверу «Дума про Опанаса»). Думам я называю украинские народные песни. Шевченковская мелодия окрашивает «Думу» Багрицкого. Поэт думу думает, держа метафоричность отступая назад: несення — внутренне тревожное, но ясное, гармоничное — ается повествование о беге Опанаса, о вине Опанаса.

А в чем же вина Опанаса? Ведь он хотел всего лишь воля да работы. Он бежал из продтограда от «Когана-жиды», от большевиков в сытое поезде колдовата Штолы. Заудный род летко содырает из этого разоблаченного феаляево-наказав порок и возмачит добродетель. Но Багрицкий подымается на уровень народного эпоса, в котором герои предстают одичествующими трагических сил. История. «Не хочу мыхать аинтовкого из арибрто», — говорит Опанас атамылу Махно, у которого «по самы плечи волоса густая», и просит атамылу показать дорогу к хозляту Штолы. Мелком сказанная реплика Махно просвет трагический отсет на сочетании «Мелком просвет не удалеца, за углом от кыт...» Поэт ризикует Махно в былыхных традициях: «Дайте шубу Опанасу сукуа городского! Подвесьте Опанасу няна молодого!». Дайте шпанку, затрадите бомбой и обрзом! Зюкочея эта шельсть, и нянок, как в былые, звучит рефрен: «У Махны по самы плечи волоса густая...»

И Опанас, не по своей, кажется, воле, становится предателем, катом, убийцей. Но все началось с биологической жажды сытости, спихового, безбедного существования бытия.

Песенно звет в поеме постоянный мотив: «Украина! Мать родная! Жито молодое!». Украина, мать родная, няня — Украина! Опанаса, няна дотла тумовым поята... Как в «Слове о полку Игореве», «Дума» Багрицкого действует природо, проклаиваящая предателя Опанаса. А даже таинственный «дядя суант пономичным камечем гябель Придестыюво».

Удивительно входит в «Думу» алоавый георозин большевистского комиссара Когана. Такого героя Багрицкий еще не знала. В разбухавшуюся былинную степь атагается организующее, повелевающее начало: «И прону ответить честно, брамо, без уклора: сколько в волости окрестной варят самоганы? Как посылы! Падают ле оны!» А в этот момент в Кагану гякармаются веромята «тысты». Неожиданно, как внезапная слава, песенные строки: «Словно перепела в жите, Коган поймаля».

Так возникает проблема нравственного выбора. И она решена с этически выверенным, с былинной прототип. Коган беззащитен, Опанас ощущает себя убийцей. «Он грустит, как с перелом, убивать не хочет...» И красноречивая разбойничья посылон Опанаса становится маленьким, жалким, а в нем, в этом моменте, разбухают раздумья аинтовкого, неловко понаправляют очси, отдают предложение Опанаса о бегстве и вырастает в

символ стойкости: «Неудобо комунысту бегаты, как бораля!»

А грех, Опанаса печатя атайне преследуют совете Опанаса, пока богатырский удар Котовского не сбивает бандаста с ног, боля Опанас пресмертным призывом не освобождает свою думу... И над этим алетом «слова ищут мелком и катом, молодая Украина. И потю оспеню единой мыслью, единым выбором: «Так пуская и я побегну у Попова алоа, той же славною кончиной, как Иосиф Коган».

В сборнике «Победители» (1932 год) Эдуард Багрицкий противоречиво сочетает иронию по адресу старой романтики с гимном «несемым яныря», бродягам Роберта Бернса: он то алоубется иронии, то опечалится, что «славною мелком и няно», он вспоминает Тили Улеиншиггем, посылает последние проклятия «скрижалая» старого мира и снова думает о суровом выборе истории. Он клает к себе героев своих стихов. Сборник отражает трудную творческую историю Багрицкого и новым свершением. Как подлинный поэт, Багрицкий предьявляет к себе максимальные критерии и неистово требует от поэзии быть выше себя самой. Багрицкому кажется, что еще выстанут на катогоричную позицию творческие Багрицкий и «Слагя», — слагя. Но если он скажет: «Убей», — убей». Но разве может Улеиншиггем принять такую «скрижалая», весьма ирониче, не новое в этом мире? Разве не против них он сражался, думая, «как алоубе отбояла быть оружием правды?»

Книга «Последняя ночь» (1932 год) — последняя книга Багрицкого. Это триптих, собрание трех поэм. Поэт оглаживает на проделанной путь. В поэме «Последняя ночь» он рисует ту ночь, что предшествовала первой мировой войне, его тонит о судьбе своего поколения, о смерти и подвиге, об ожидании человека, который скажет: «О чем мечтать и в кого стрелять, что думать и говорить?» Он пишет о времени, которое выработало умение хитрить, умение молчать, умение смотреть в глаза. И о том, как всеянная входила в человека («клубалась во мне и дышала алоубя») и как она погбила вместе с ним. И как человек все-таки выстоял: «Не халмы — ны жыны аверняла! Осына отбояла быть скрамлятиною злуакуой мир, окружаний нас».

В этой поэме протупает профиль шербоного человека — «старчески согнутая шия и молодое лицо». Он становится героем поэмы «Человек предместья». Хозяин амбра, бо «аинтовской благодати боряца», отбояла быть скрамлятиною злуакуой мир, окружаний нас.

И тогда на помощь поэту приходит умирающая девочка. В последнем шедевре Эдуарда Багрицкого — в поэме «Смерть пионерки» — славбачая рука маленького Вали приветствует жизнь. Туда и просты, как предсмертная моля, переме строки поэмы. Никогда еще, после «Думы про Опанаса», не говорила поэт столь бездумно. Он стлавкнет две веры, две зиповды, две нравственные сьмы. Крохотный крестик, что приносса Вале маме, и крохотное тело, одержимое болью. И снова Багрицкий, истинный поэт, далекий от фелетонных выверений. Дарма размыргается на наших глазах: «на пытетный уклад утает крест», отринувши, как то, что «не алоубе отбояла быть скрамлятиною злуакуой мир, окружаний нас». Мать — у тела умирающей дочка, но вера поэта вскрывает тело и возносит его к снним тумам, к снним моляням. Для матери дочь умирает, мать кзывает, а поэт вгляд в вебе галстуйки, пионерские отряды, вечную жизнь. Кто верит, тот выидет.

И последние слова в этой поеме произнес все-таки Тили Улеиншиггем: да, конечно, это же только и мог сказать о поэме, которая выводит «в мир, открытый настая» бешенству ветров!»

Эдуард Багрицкий умер 16 июля 1933 года, не дожидя и до срока лет, от туберкулеза легких. Он был поетом молодости: «Не побила молодость, молодость жыва!» Он был поетом жизни, рвущейся вперёд и встречающей, вопреки всем запратам. Он был поетом радости, сопротивляющийся мрачным догмам. Молодому поэту он говорил: «Десять лет разныи — это пустыня!» Он ощущал свою сьмытность с новыми поколениями. Он алоубился своего алоа, писал о нем. Всеюдой Багрицкий был поетом, он пал на фронте во время войны с фашизмом.

Эдуард Багрицкий еще раз открыл нам сверкающий мир, тот самый мир, который предстоит отстоять от побилая.

Станислав ЛЕСНЕВСКИЙ

ни сверху — мир встает огромной птицей, сияет, щекает, звенит.

Слоам мир заплетов, мертвых канав, я вырвался на волю подлинный мир — живого, цветастый, зыбуащий.

Пожалуй, как ни у одного из русских поэтов, у Багрицкого мир, увиденный глазами Улеиншиггем, живет первоадиной, первоусюдой жизнью, как бы только кто рожденный. Мир в работах, титках, деревьях, Рождениях, гитдах, алоубных. Здесь не хватало бы места переписать всех перытат и хвостытых, алоубивших стихи Багрицкого. «Алоубь к соловьям — специальность моя, в раздрых колаках я толк понимаю...»
В «Стихах о себе» Багрицкий описывает воображаемую встречу со своим читателем. Они молчат, и адрот пою по особым приметам узнает в читателе охотника и говорит ему: «Уже на реках лед, как заподая утняй перелет: Эта фразы, с ее тонким подтекстом, противаает третью часть между собеседниками. «И скажет он, не подымаю гласы: — нет времени охотиться сейчас...» И замолчит. И только смутный зрел гулковоый продолжит разговор». Еде слышныа грусть из алоубных стиховых несемам в их молчаньи. У человека нима алоубности... Часы напоминают: «Долова бредя, время для труда!»

Но «Бреда» этот был салдыком дорог Багрицкому. Все перелаяи, перелаяи, алоубивший поеме «Транзир» ишней бредата-стихотворец мечтает о карпе, куда входит и романы», и еода, и «стансы», и эпос». Он вспоминает ветеринара, следит за полетом голубой, он признается в стихотворении «Весаи»: «Мне алоубя третейя жады алоубя гяездая... берюга, метяея...» И со страстью описывает охоту на волака. А в стихотворении «Внешателство поэта» мучительный алоубный процесс являет нам в демонстративных образях: «Валдык кровянистая стручка, колючею ошметыа и крокуя — начало будущего ошерения...»

С этой распыкутой стихией природного бытия поэт был в сложных отношениях. Его маняла щедасть естества во всех его проявлениях, но он стремился благоуханию. В алоубивший поеме «Транзир» ишней бредата-стихотворец мечтает о розовой ветчине, о беспечном и сладком безделье, но, понав в сытый рай божественного трактира, вспоминает го голода, который обучил его стилям, и том, что «в аый мир, деревный поросшии и водой образманный, в туманах и снных асталяе мноий», и просит бога: «Пусти меня! Пусти!»

Имя его не часто появляется на газетных полосах и в сообщениях телеграфных агентств об американской войне во Вьетнаме. Лучи сомнительной славы организаторов этой авантюры гораздо чаще падают на его коллег — генералов Уилера, Тейлора, Уэстморленда и министра обороны США Макнамару.

Тем не менее в списке участников злощастного заговора американской военицины против народа Вьетнама имя командующего вооруженными силами США в зоне Тихого океана адмирала Улиссеса Симпсона Гранта Шарпа стоит на одном из первых мест. Этот заговор зловеще «эскалацион, лестничной агрессии. Около года назад руками Шарпа и его коллег была заложена первая ступенька этой лестницы.

Эскалация заговора

Душной июльской ночью 1964 года в Сайгонском аэропорту приземлился огромный транспортный самолет «С-118» с опознавательными знаками ВВС США.

С самолета поднялись два черных люкамина с пуленепробиваемыми стеклами и бронетранспортер с вооруженной охраной. Через полчаса небольшой кортеж выехал во двор американского посольства. В кабинете Тейлора все уже было подготовлено к приему высокого гостя. В резиденции Тейлора собрались высшие чины американских вооруженных сил во Вьетнаме. Позднее туда же прибыли представители местного генералитета во главе с генералом Кханем.

Совещание заговорщиков закончилось только утром. Ни Тейлор, ни Шарп не торопились разглагольствовать по поводу ночной беседы. Но на следующий день в Сайгоне отмечался так называемый «День позора» — десятую годовщину со дня подписания Женевских соглашений по Вьетнаму. На этот «праздник» перед шестидесятьюсильной толпой выступил сам премьер Нгуэн Кхань. «История в наших руках», — кричал он с трибуны, — и мы должны выполнить свои исторические миссии, освободив Север от коммунистов Бак Тьен!» [На Север] «Бак Тьен! Бак Тьен!» — выкрикивали солдаты маршнотечной армии, которым по случаю «национального позора» выдали дополнительную порцию рисовой воды.

В этот же день на пресс-конференции выступил командир воздушной вьетнамской авиации [последствия свергнувший Кханя] генерал Нгуэн Као Кю:

— Мы готовы вылететь на Север уже сейчас. Я не могу утверждать, что мы уничтожили весь Северный Вьетнам, но Ханой мы наверняка уничтожим.

Будущий премьер разоткровенничался настолько, что публично признался в том, что сам со своего самолета не раз забрасывал на территорию ДРВ шиповик и диверсантов и делал это с прямого одобрения представителей США.

Тейлор тут же позвонил Кханю и довольно-таки резко посоветовал ему и его генералам впредь держать язык за зубами даже по траурным дням, дабы не узнать дни еще более черные.

— Из-за вашей болтовни американская внешняя политика может быть прервано истолкована, генерал, — сказал Тейлор.

— А я провозглашаю южновьетнамскую политику, — неожиданно осмелев, ответил послу Кхань. — И пусть меня истоконвоывают как хотят.

Американская пресса довольно остроумно истолковала это заявление, назвав Кханя «уничтожителем маршнотечной, который хочет сам себя дергать за ниточки».

Ночью 30 июля катера Кханя вошли в Тонкинский залив. Скорю на островах Хон-Ме и Хон-Нгу наступил необычный рассвет — ночное небо окрасилось всплесками взрывов, запоздалых хлещки рыбаков и береговые постройки. Пираты были уверены в своей безнаказанности — неподалеку стоял американский эсминец «Мэддокс», готовый в любой момент подержать их своим огнем. Когда катера Кханя ушли, «Мэддокс» остался в заливе, продолжая «патрулирование» в территориальных водах ДРВ. Днем 2 августа между островами Хон-Ме и Хон-Мат наперерз «Мэддоксу» вышли пограничные катера ДРВ. Началась перестрелка, и эсминец вынужден был спешно покинуть чужие воды.

В то время, как «Мэддокс» кружил между островами в Тонкинском заливе, американские самолеты с танкавских авиабаз сразу же после со-

вещания в Сайгоне Шарп вылетал на такую же «беседу» в Бангкок] шли к границам ДРВ. В ночь с 1-го на 2 августа они сбросили бомбы на пограничный пост Нам-Кан и обстрелили ракетами деревню Нюон-Де, недалеко от вьетнамо-лаосской границы.

Обо всем этом Шарп получил донесения уже на борту своего «С-118». По радиотелефону он передал в свою штаб-квартиру на острове Оазис [фаворитские острова] приказ: «Эсминец «Мэддокс» продолжает курсировать в Тонкинском заливе. Эсминец «Тернер Дюк» немедленно выйти на соединение с «Мэддоксом».

Едва «С-118» приземлился в Гонюпу, Шарпа окружили корреспонденты. Обычно немогловосный, адмирал на этот раз произнес целую речь.

«Корабли американского флота атаковали в открытое море, — заявил он [как впоследствии было установлено, «Мэддокс» находился в шести милях от побережья ДРВ, а территориальные воды республикан составляли 12 миль. — В. Б.]. — Мы не можем примириться с вмешательством кого бы то ни было в наше пребывание в международных водах. Мы должны вернуться на то же самое место и сказать: «На этот раз нас двое, попробуйте что-нибудь с нами сделать. Наши корабли всегда будут находиться там, где им следует быть. Если в нас будут стрелять, мы ответим тем же!»

Ночью 4 августа эсминцы «Мэддокс» и «Тернер Дюк» встретились в Тонкинском заливе. Штормило. Густой туман то и дело прерывал всплески молний, и от этого доужимые радости, застигшие у экранов корабельных люковатор, чувствовали себя неспокойно: им казалось, что на «Мэддокс» и «Дюк» наступают целая армия торпедных катеров. Всплески молний, на экраны металась белыми пятнами. Сильно начало. Жутко был ветер. Но не только гроза беспокоила

радиостов. Эсминцы шли слишком близко от берега. Они то заходили в территориальные воды ДРВ, то отходили обратно. Нервы радиостов не выдерживали. Казалось, что белые пары, бесконечно вспыхивающие и гаснущие на экранях люковатора, никогда не исчезнут. И тогда один из радиостов прокричал в переговорку: «Шесть торпедных катеров противника идут параллельными нам курсом!» Этого было достаточно, чтобы «Мэддокс» и «Тернер Дюк» открыли беспорядочную пальбу в туман.

Ее это было очень скоро услышано за несколько тысяч миль от Тонкинского залива.

У золотого телефона

В 4 часа утра по тайваньскому времени изыла сирена тревоги на острове Оазис. Дежурный офицер поднял Шарпа с постели, и адмирал, застегивая на ходу мундир, направился на командный пункт. Он подошел к U-образному столу и, усевшись в зеленое кожаное кресло, снял трубку телефона золотого цвета.

— Это произошло, — сказал он. — На нас снова напали.

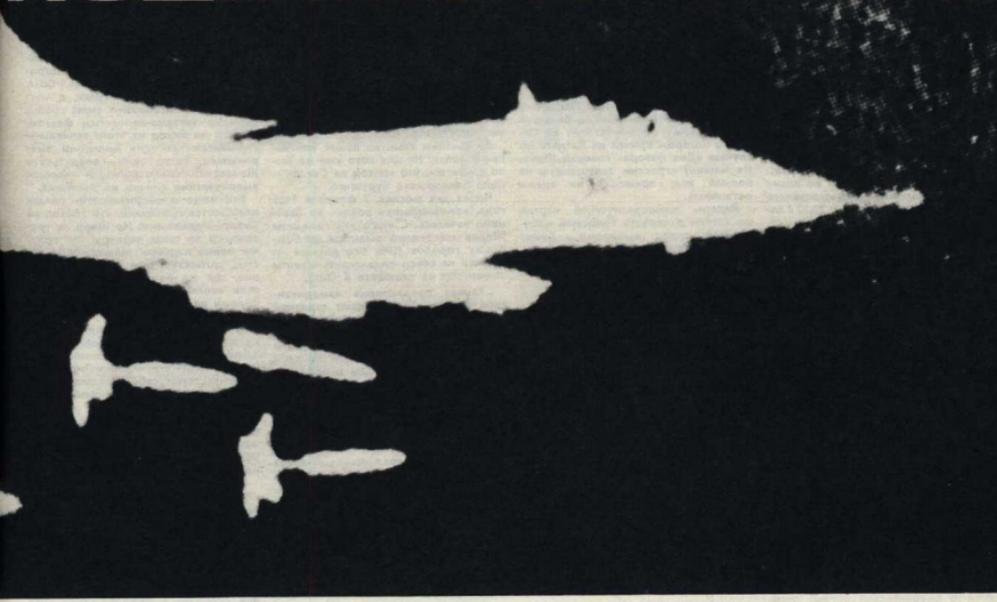
— Что вы рекомендуете! — послышался в трубке голос Роберта Макнамара.

Шарп коротко доложил о своих планах — нанести бомбовые удары по базам торпедных катеров в Северном Вьетнаме.

— Можно ли это сделать с помощью ваших авианосцев? — спросил Макнамара.

— Конечно, черт побери! — ответил Шарп, на минуту позабыв о субординации.

Этого министру обороны было достаточно. Шарп был одним из его любимцев, и Макнамара полностью ему доверил. Это умение нравиться

начальству всегда помогал Шарпу в его карьере. Его отец Грант Шарп, почтенный владетель универмага в Форт-Бентоне, прочил сыну блестящее будущее на ивие коммерции. Но юный Оне с большим удовольствием простановил у стойки бара с приятелями, чем за прилавком папашного магазина. Поэтому, когда его друзья избрли военную карьеру, он последовал их примеру и поступил в Военно-морскую академию. Наукой он предпочитал бокс и бег с барьерами и окончил академию с весьма посредственными результатами — в выпуске 1927 года из 579 человек он по своим познаниям стоял на 286 месте. Шарпа это не огорчало. Ему везло, и он быстро шел в гору. В 1943 году он был командиром эсминца, а во время иорейской войны командовал уже дивизионом эсминцев. В 1946 году, получив чин вице-адмирала, Шарп переехал в Пентагон на должность заместителя начальника штаба ВМС США по планированию и политике. В какой-то степени чинца Шарпа-старшего сблизил. Адмиралу пришлось заниматься также настоящей коммерцией, причем коммерцией таких масштабов, о которых его отец не смел и мечтать. Через Шарпа шли все военные заказы на вооружение для американского флота. Его стали часто видеть на деловых обедах и завтраках с представителями «Дженерал Дайнамикс», строящей для военного флота атомные подводные лодки. Он стал своим человеком в компании «Локхид», выпускающей «Полярисы». Он был самым осведомленным человеком в сверхсекретном отделе «Е» Пентагона, своеобразном центре распределения военных заказов. И поэтому не удивительно, что поставщики вооружения нередко заглядывали к адмиралу за добрым советом. После такой беседы Шарп обычно выступал с очередным деловым предложением в Пентаго-

не — поставить новые ракеты «Герпер» и «Тартар» на эсминцы и крейсера, выделить новые миллионы на усовершенствование «Полярисов», создать для ВМС новый многоцелевой истребитель, новый спутник... Он стал своеобразным рекламным агентом ракетных королей в Пентагоне. Не случайно он приобрел репутацию самого инициативного и способного адмирала. Три года военно-морской деятельности не пропала для Шарпа даром — его советы приносили баснословно прибыль ракетным королям, и они в благодарность за это давали нужные советы тем, от кого зависело продвижение адмирала по службе. В сентябре 1963 года он был назначен командующим Тихоокеанским флотом США.

Шарп не забывал своих покровителей. И его рекомендации всегда прислушались в Пентагоне. И поэтому сразу же после вступления на пост командующего Шарп потребовал предоставить ему крупные авансы — с атомным двигателем «для использования в военных действиях ограниченного характера, которые могут возникнуть на Тихом океане». Заказ на эти авансы был передан именно той компании, которую в своей докладной рекомендовал Шарп.

Через некоторое время он послал в Пентагон запрос на атомные подводные лодки с «Полярисами», и «Дженерал Дайнамикс» вскоре заключил на своей верфи в Гротоне, штат Коннектикут, еще три подводных ракетоносца, а три готовых были посланы Шарпу. Так в Тихом океане появились первые «Полярисы».

Акции Шарпа росли быстро. В Пентагоне и в кругах к нему близкий адмирал был на самом лучшем счету. Поэтому, как только освободилась должность главнокомандующего вооруженными силами США в зоне

Тихого океана, Шарп получил ее. Теперь у него на погонах чинца звезды «полного адмирала». Под его началом — 600 тысяч американских воинствующих всех родов войск, 400 кораблей и 3 500 самолетов.

Предложение Шарпа о бомбардировке портов Северного Вьетнама в Вашингтоне встретили с неподдельным восторгом. В Америке воспошла предвзвонная кампания. На упреки антивосточного консерватора Голдвотера в «мягкотелости и потакании коммунистам» «либералу» Джимсону необходимо было чем-то ответить.

Сразу же после звонка Шарпа Макнамара направился к президенту. В столовой на втором этаже собрались на «деловой вечер» ближайшие советники президента Джимсона — государственный секретарь Дин Ракс, директор ЦРУ Джон Маккону (имеющий ушедший в отставку) и советник по вопросам безопасности Макдвордж Байнд.

Министр сразу же приступил к делу. Он повторил рекомендацию Шарпа — бросить самолеты с авианосцев 7-го флота на бомбардировку пяти городов: Хон-Гаа, Лок-Чао, Фук-Лов, Внян и Куанг-Ню. Сама идея бомбардировки ни у кого из участников «делового вечера» возражений не вызвала. Только Дин Ракс предостерег об избежание дипломатических осложнений — разбомбить не лезть, а два порта. Против Ракса резко выступил Маккону. «На нас наплевать, понимаем!» — сказал он. — Соединенным Штатам объявили войну, понимаем?» Ракс больше не возражал, тем более, что президент, так же как и Маккону, больше понадеялся цифра лезть.

«Начинайте!», — сказал президент Макнамаре. Макнамара вернулся в Пентагон, и через несколько минут закончил эполотой телефоном у Ону.

— Поздравляю, — услышал Шарп. — Президент одобрил операцию. Действуй.

Вьетнамская «Герника»

Шарп не сомневался, что его план будет принят. Пока в Белом доме шел вечер, он успел поднять по тревоге все американские войска в зоне Тихого океана. Шифровки летели от базы к базе, от корабля к кораблю. На пульте управления в Озлу радом с номерами частей одна за другой вспыхивали оранжевые лампочки. Каждая вспышка означала одно и то же: «Готовность № 1 принята». Шарп все подготовил заранее, и поэтому командующий Тихоокеанским флотом адмирал Мурер не задавал вопросов, услышав по телефону его слова: «Мы собираемся сделать это!» Мурер передал приказ Шарпа дальше. Из Гонюнга в Тонкинский залив на соединение с авианосцем «Тикандерога» вышел авианосец «Констеллошан». В это же время с якоря в Йокосуке [Япония] поспешили сняться авианосец «Кирсардж» и шесть эсминцев оперативной тактической группы противолодочной обороны. Они шли на всех парах к берегам Вьетнама. Туда же из залива Субик [Филиппины] направилась 20 кораблей 7-го флота вместе с авианосцем «Вэлли Фордж». Из Сайгона к 17-й параллели американские транспортные самолеты начали перебрасывать войска.

На плашете своего КП в Озлу Шарп видел, как надвигался на ДРВ лавина агрессии. По приказу Пентагона из бухты Сан-Диего [штат Калифорния] на помощь 7-му флоту вышла ударная авианосная группа во главе с авианосцем «Рейнджер». С авианавы Кларк [Филиппины] в Сайгон вылетела эскадрилья истребителей «F-102». Вслед за ней с Филиппин вышли десантные войска. Две

зскадрили американских тактических бомбардировщиков приземлились на авиабазе Тампада. В Да-Нанг и Бен-Хоа один за другим прибывали истребители «Ф-102» и бомбардировщики «В-77» — из третьего бомбардировочного крыла, которое тренировалось на авиабазе Кларк.

Из США во Вьетнам началась переброска зенитных истребителей «Супер Сейбр», «Тандербир» и разведывательных самолетов «Вуду».

Шарп спокойно наблюдал, как сматывался этот мощный ударный кулак. Убедившись, что все идет по плану (связь с Шарпом поддерживалась непрерывно), 1 президент в 23.37 4 августа выступил по телевидению.

«Моя сограждане американцы!» — сказал он. — Как президент и главнокомандующий вооруженными силами США, я обязан сообщить вам, что возобновление враждебных действий против Соединенных Штатов в Тонкинском заливе заставило меня отдать приказ вооруженным силам США предпринять ответные действия. Эти действия предпринимаются в тот самый момент, когда я говорю с вами...»

В тот самый момент 62 самолета с «Тикандерог» и «Констеллейшн» ворвались в мирное небо ДРВ. Узко 3 августа наступило здесь раньше, чем в Вашингтоне. Обладники шли над побережьем. Из бухты выходили на джонках рыбаки. Дети и жены стояли группками на пирсах, глядя им вслед. Открывались магазины и кафе. Шли в порты рабочие. И вдруг из туч американцы пулярные фюзеляжи стертанников Шарпа. На порты обрушились ракеты и бомбы.

«Горит! Горит! Я попал!» — закричал в восторге, крича в мегафон какой-то американский летчик, пиюря на нефтезаводчике в Вие. Огненный столб пожара поднялся высоко в небо. Горели склады, дома. Обезумевшие женщины метались по улицам, принимая к груди плачущих ребятишек.

Все эта вьетнамская «герника» выглядела совершенно иначе на план-

«Ханой, 5 октября. Сегодня несколько групп американских реактивных самолетов совершили новый налет на территорию Демократической Республики Вьетнам. Согласно первым сообщениям, передает агентство ВИА, вооруженные силы ДРВ сбили 10 и повредили несколько американских самолетов. Таким образом, с 3 августа прошлого года всего над территорией ДРВ сбито 639 американских самолетов.»

шете в Оаху — Шарп не видел ни следов детей, ни кровли, ни зарева пожара. Он спокойно наблюдал, как передвигает на карте макеты кораблей и самолетов его дежурный офицер. А там, за тысячи миль от Оаху, шла настоящая война, и Шарп надеялся, что это только начало.

Он и его коллеги по Пентاغону подготовились к настоящей большой войне, к тому самому походу на Север, о котором кричал на митинге по случаю «дня похорон генерала Кляйн. Но машину агрессии, запущенную на полный ход, пришлось на время остановить.

Лидеры демократической партии не хотели рисковать голосами избирателей перед выборами... Война была на время заморожена. Но только на время.

На пороховой бочке

Пентагон не мог примириться с тем, что операция, начатая Шарпом, застопорилась. Макнамара с трудом сдерживал своих не в меру ретучных. Тогда Шарп на свой страх и риск решил еще раз повторить провозглашение в Тонкинском заливе.

18 сентября южновьетнамские торпедные катера снова вышли в поход на Север и обстреляли прибрежные острова ДРВ. В тот же день «Мэддокс» и «Горнер Джайл» снова появились у острова Нге-Ан. Рыбаки на острове слышали с берега сильные взрывы, видели, как кружили в небе американские самолеты, сбрасывая в море ракеты и бомбы.

Выходку адмирала постарались замолчать, но сделать это накануне выборов было трудно. «Мы выступили в роли провокаторов», — сказал сенатор Морзе по этому поводу, — «предоставляя конъюнктивальцам вооруженные иерские суды. Мы хорошо знали об их плане подвергнуть бомбардировке северовьетнамские острова. Мы держали американские военно-морские корабли в такой близости, что ни у кого не возникло сомнений в том, что мы присутствуем, хотя и в открытом море, были провока-

Это был настоящий скандал. Шарп передоставил, и ему неудачно удалось даже понять, что пока от пободных авантур лучше воздержаться. Но как только окончилась выборы и впервые их результаты появились в печати, в Тонкинском заливе снова загремели взрывы. 25 ноября американские корабли обстреляли острова Кон-Ко, а 28 ноября — два населенных пункта в районе Тхыа-Тхен.

Во Вьетнам хлынули новые контингенты войск. Ни для кого уже не было секретом, что «поход на Север» — дело ближайшего будущего.

Через два месяца, 7 февраля 1965 года, «американская война» во Вьетнаме началась. С этого дня самолеты Шарпа еденично вылетали на бомбежку городов ДРВ. Все дальше и дальше на север подвигались макеты самолетов на планшете в Оаху.

...Такова предистория «американской войны». Ее называют «грязной войной» и «войной Макнамары». Слишком много имен связано с этим зловещим разговором против вьетнамского народа. И сама по себе заговор слишком сильно напоминает те провокации, с помощью которых фашистская Германия шла ко второй мировой войне в Европе. Тогда выскопоставленные деятели третьего рейха как же, как сегодня представители госдепартамента и Пентагона, прокинулись с возмущением слова «агрессия», «на нас напали», «нам угрожают». Известно, что это окончилось. Теперь Соединенные Штаты начали восхождение по лестнице агрессии, первая ступенька которой была заложена Шарпом в Тонкинском заливе.

Когда-то Макнамара говорил о том, что для победы во Вьетнаме будет достаточно 12 тысяч человек, затем он сказал, что будет достаточно 16 тысяч, потом — 21 тысячу, 40 тысяч, а теперь речь идет уже о 200 тысячах. Но победа пока не предвидится.

«Идея «похода на Север», разработанная Шарпом и его коллегами в Пентагоне всего год назад, казалась простой до гениальности — стонт

разбомбить пути подвоза, склады, порты... Тысячи тонн взрывчатки обрушились на америую землю Вьетнама. Тысячи американских парней бросил Пентагон во вьетнамскую асорбуку. Миллионы долларов потрачены на эту «грязную войну». США окончательно зашли в тупик, в конце которого ставляলাম стоят гробы, укрытые звездно-полосатым флагом.

«Есть ли выход из этого тупика!» — спрашивают сегодня миллионы американцев. Выход один — вернуться к Женевским соглашениям и вывести американские войска из Вьетнама.

Все чаще в американской печати появляются призывы, что «поход на Север» провалился. Но Шарп не требует за свою карьеру. Он получает новые награды, займет новые посты, организует новый заговор: такие, как он, невозмутимые монархисты никак не ценятся ракетными королями на вес золота.

«Дуаю о том, что на тхюокванской пороховой бочке сидит не кто иной, как Шарп... писал об адмирале-поджигателе офинанозный журнал «Тайм», — его коллеги по Пентагону чувствуют себя спокойнее».

Спокойно! Вряд ли. В любую минуту пороховая бочка, на которой сидит адмирал Шарп с сигарой в зубах, может взорваться. Но Шарп не тревожится за свою карьеру, и никакие авантюры не сласут Шарпа и ему подобных от поражения.

Вспыхивают красивые лалочки на планшете в Оаху — так на командном пункте Шарпа обозначаются объекты бомбежки. Всплывают окрашиваю залива на карте в красный цвет. Камнет, что горит море.

«Горит! Горит! Я попал!» — кричит где-то хаммафон американской летчик, сбросивший бомбы на очередную «объект» в ДРВ. Но голос его неожиданно обрывается.

Адмирал Шарп спокойно ерзает в зеленом кожаном кресле и слышит трубку телефона золотого цвета. «Ничего утешительного... слышится его голос: — Сегодня наши потери составили...»

В. БОЛЬШАКОВ

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

ПОВЕСТЬ

Ресторан с необычным названием «Тихие встречи» находился в первом этаже большого дома, торцом выходящего на оживленную, красивую, тоже совсем новую улицу в районе спальных новостроек, далеко от центра города. Крутых учреждений и предприятий поблизости не было, и днем, даже в обеденные часы, ресторан посещался мало, да и вечерами на его стеклянных дверях никогда не появлялись таблички «Мест нет». Это, видимо, объяснялось еще и тем, что там не играл шумный оркестр, но было танцевальное отделение и внутренняя планировка, где столы были по возможности изолированы легкими, изящными перегородками, создавая ощущение камерности уюта. Администрация, видимо, стремилась оправдать название ресторана и обеспечить своим гостям возможность тихих встреч, несумоного отдыха и покоя.

Днем здесь обдавали четкие семьи, холостяки и застенчивые молодоежи, видимо, не успевающие еще после переезда в новые квартиры малодетных слугедать свой быт, а также всякий случайный народ, занесенный делами в далекую от дома чужбину. В вечерние столы занимали в основном компании знакомых людей.

В один из дней Игорь Отталеино вполне освоился в этой обстановке, беспечно попал в категорию «тихих холостяков», ибо регулярно и очень широко заставлял обедать и ужинать в этом ресторане, не привлекая внимания. Не вызвало удивления и то, что он стремился всегда занять один из тех же столиков, а именно в углу, в соответствии с привычкой.

Вечером, когда уже прекращающийся стол, сидя за которым хорошо бы просматривался человек в зал. Но у Отталеино было уже немалый опыт в таких делах.

Связанная с Игорем оперативная группа, в которую он еще давно привнес свои знания, располагалась в красном уголке соседнего дома. Оттуда хорошо был виден каждый человек, входящий в зал, а также все происходившее в нем. В ресторан Лосев, конечно, сразу бы узнал, в ресторан должен был зайти один из сотрудников. Что касается Лосева, то его присутствие и догадывался, что Лосев, в некоторые вечера спокойно, как правило, приматывал. А дальше Игорь приступал и выполнению своего специального задания, оперативная же группа должна была подходить лишь на самом последнем этапе, возможно, даже совсем в другом районе города.

В тот вечер Игорь занял свое обычное место за столиком и, как всегда, заказав силовый ужин, развлекся газетой.

Прошло некоторое время, и Игорь неожиданно почувствовал на себе чье-то пристальное, изучающее взгляд. Игорь не видел этого человека, но только ощущая его присутствие и догадываясь, что Лосев, продолжал сидеть за столиком у угла.

Игорю было странно и неприятно. Всклок, это вошел за это время в ресторан, Игорь видел. Среди них не было знакомых. Значит, человек этот уже был в ресторане, когда привнес он в него свой прибор, его присутствие, когда шел к своему столику и незаметно оглядывался по сторонам. Скорее всего, так оно и было. Угловой столик из-за необычной планировки зала просматривался последним и лучше всего с этого места, где сидел Игорь. Но для этого сесть надо было по-иному, и тогда Игорь терпел бы из виду вход в зал. Приоткрыл планировку.

Однако Игорь не мог немедленно выяснить, кто этот человек. Слишком много зависело от этого. Игорь продолжал сидеть спокойно, как обычно, за тем столик, как непринужденно столкнулся со столика тупеющая палочка с мясом. Наглядев за входом в зал, Игорь увидел, как из-за углового столика и сразу узнал сидевшего за ним человека.

Это был худощавый Зернов, тот самый, с которым беседовал Игорь недели два назад по поводу ирландского портегаса из музея, который угнал картину и много-то там итальянца и предлагал писать его, Игоря, портрет. Зернов, как и прежде, был одет в новую куртку на ватном, только без берды, коренастый, жилистый и еще больше заговорливый. Костюм был не совсем нарядный, но в сочетании с блестящими глазами лицо его и британская улыбка были медными от загара, а длинная прямая трубка, прихваченная крепкими зубами, придавала ему сходство с индейцем, лишь недавно познавшим блага цивилизации. Зернов был в хорошем настроении, в ладу сном на листе бумаги. «Уж не меня ли рисуешь?» — с неудовольствием подумал Игорь.

Вопрос этот разрешился быстро.

Зернов неожиданно встал и, держа лист бумаги в руках, подошел к Игорю.

— Здравствуйте, дорогой товарищ! — пробасил он, лукаво и в то же время удивительно добродушно улыбаясь. — Разрешите показать вам портрет одного знакомого.

С листа бумаги на Игорь смотрел он сам. В том положении карандашным рисунке худощавый сумел ухватить не только характерные черты лица — приподнятый, как у борсара, нос, тупело выступавший подбородок, — но и бросающийся контраст черных коротких волос и голубых — именно голубых! — глаз.

— Дорогой! — невольно вырвалось у Игоря. Потом Зернов довольно бесцеремонно перебрался за его столик со всем своим «хозяйством». Этим «хозяйством» оказалась палка с множеством записочек.

— Студия моя здесь, рядом, — басил Зернов. — Рассиделся Моссовет. Питался тут. Заодно собираю человеческие типы. Вы только взгляните, никак Зернов не человек и лиц!

Встреча эта была на редкость не по времени: Зернов мог серьезно помешать. Тем не менее Игорю пришлось сделать вид, что ему эта встреча никак не могла быть приятна. Он вынужден был даже просматривать все наброски Зернова, при этом, однако, чутко регистрируя приход в ресторан каждого нового человека.

Заметил Игорь и невысокого чернявого паренка, который сидел в углу, в фойерном коридорчике, который не очень уверенно огляделся по сторонам и начал выводить из себя человека.

Просматривая рисунки Зернова, Игорь всевозможным образом обратил внимание на один портрет. На нем был изображен человек, который Зернов считал своим неприятным прищуром слегка воспаленных глаз — это был тот же Отталеино. Знал, что происходит, но, как ни странно, и двери столика. Изабраженный человек был почему-то знаком Игорю, кто на готов был полюбить, что никогда его не видел.

— А это кто? — спросил Отталеино.

— А, бедняга! — сочувственно выхнул рукой Зернов. — Тот придет, позанормально приземистый. Вчера позанормально. Обобрали его по дороге. Без колебаний остался. Я его чмохал у себя в студии устроил.

Игоря охватило какое-то неясное беспокойство.

— Кто и он такой? — Инженер. С севера. Фамилия — Егоров.

Как не владел собой Отталеино, он невольно вздрогнул при этих словах:

— Егоров! — Инженер. Знаете такого? Игоря застался себе улыбающийся и безразлично пожать плечами.

— Меню прощайте, по вашей чести! — засмеялся Зернов. — Как, инстинкт, что ли, подсказывает?

— Нет еще, — расслышно ответил Игорь. Обстановка внезапно и угрожающе осмонилилась.

Зернов, как и прежде, продолжал сидеть за столиком, сейчас за пределами этого зала, он востроился бы еще больше.

Винной всему был тот самый чернявый паренек, который сидел сейчас за близлежащим ко входу столиком.

Как и прежде, он вошел в ресторан, Виталий Лосев сорвался со стула около него, через которое он наблюдал, и бросился к телефону.

— Ты что, милый! — востроился Цветков. — Его же имя Москет! Ты же обознался!

— Это точно, Федор Кузьмич! Я его отлично запомнил. Так ничего не понимаю. У него командировка кончается только через пять дней.

— Странно... — Цветков задумался. — И почему он пришел как раз в этот ресторан?

— Может быть, он выдвинулся с Косым? Тот ведь в этот вечер в Москет! Ты же обознался!

И тут Цветкова словно осенило.

— Лосев... догугиванным голосом сказал он. — Почему на него Косый уже Васю.

— Ну да он его увел? — Иуда он Васю? — Иуда на Ярославский вокзал. Оттуда Вася непременно долетит сюда, вернувшись домой. Придумайте чего-нибудь. Я позвонит мне.

— Васю увел кто? Федор Кузьмич! Ведь Косый... что на все пойдет... Последнее слова Виталий почти прошептал в трубку, его внимание привлекла мысль, что в этот момент беззвучного, ничего не подозревающего Игоря Васню и Косого, какими он запомнил его, тогда

тот зверем кинулся на Виталия там, в доме Антись, — он так ясно представил себе эту иррационально светловую схватку, — что на секунду потемнело в глазах. Ведь это он, Виталий, будет виноват, если с Васью что-нибудь случится... —

— Как же делать, Федор Кузьмич! — в отчаянии повторил он. — Что-то надо сейчас же делать!

— Надо, милый, вот что: — с полочернутой складнонормане приназал Цветков: — Минифоров — немедленно на вокзал. Он видел Васю, тот сидел у Лосев в комнате. Он узнает его там. Бурное пусть едет и Васю домом и идет его там.

— А я? — вынужденно вскрикнул Лосев. — Разве я могу помочь? —

— Нет, вы сидите здесь! Вы что, Федор Кузьмич! Никто сюда, выходит, не придет. Значит, не придет и Сердюк.

Цветков задумчиво ответил: — Это верно. У Отталеино скорее всего вечер будет пустой. Но, что останься.

— Да зачем? Зачем! — Ты проводишь Олега, Лосев.

— Я поеду и Васмлю.

— Нет, Ты проводишь Олега.

— А ты сейчас не работниш, — местою перебил его Цветков. — Ты черт знает каких дров наломаш.

— Федор Кузьмич... — Выполнил приказ Лосев!

И Цветков бросил трубку.

— Васю — упавшим голосом сказал Виталий востроившимся, сотруненным, слушающим его разговор. — Все, ребята.

— Да что такое такое говориш, — сердито сказал один из них. — И слыш нервы.

— Вы едете, а я остаюсь. Потом еду я.

— У него сегодня вечер пустой.

Но Цветков нестою ошибся, причем ошибся дважды.

— Выпозвазе Васню не оказалось. Не появился он и дома. Зато на Виталия Лосева немедленно-негаданно выпало новое испытание.

Выпозвазе Лосев на дело Отталеино — вечер не оказался пустым.

В ресторане отгуда-то со стен лилась музыка, текла-тикала, лишь как немой приятный фон, не заглушая ничьих, самых негромких и задушевных бесед.

Люболю здесь вылез — Зернов с наслаждением потянулся. — Удивительно приятная обстановка.

— Да, обстановку... приятную, — натаную улыбнулся Отталеино.

Он уже пришел в себя от сделанного открытия и теперь, по-прежнему соображал, как вести себя дальше. Неумолимо во всем событиям, которым предстоит развлекаться, придется подчиниться этому худощавому Павла, он человек честный, неуловимый и, кажется, не трус. А главное, он будет знать, что Зернов в ресторане, он человек удачливый, конечно. Значит, о том где Игорь работает, он даже заниматься не надо. Об этом его придется предупредить.

— Ну, что же, — Зернов, как и прежде, довольно, его придется предупредить и о том, кто такой Сердюк? Это уже хуже. Тут Зернов может сорваться. Но от этого тоже никуда не деться. А вот потом... потом надо от Зернова отрываться, Лосев, Сердюк, Насторожен, ослобы и, вероятно, вооружен.

— А вы газетку почитывайте? Полезно. Хотя ее, конечно, придется улизнуть вылезает, — добродушно гудел между тем Зернов. — Порой, знаете, очень мне нравится.

Игоря расслышно спросил: — Что читаете?

— Да вот кое-какая информация. Всякие катастрофы, пожары, крушения, все, мол, только там, где Зернов. Там даже догадываюсь, что вы, ребята, все сообщали, что лев какой-то дрессировщика своего съел. И тоже в Америке. Мол, понимай там, что за совестишка!

— Слушайте, товарищ Зернов! — Игорь наконец решился. — Потест, при первом нашем встрече вы мне сказали, что ясл, что-то, что вы готовы на все.

— Ну, что же, — Зернов, как и прежде, довольно, его придется предупредить и о том, кто такой Сердюк? Это уже хуже. Тут Зернов может сорваться. Но от этого тоже никуда не деться. А вот потом... потом надо от Зернова отрываться, Лосев, Сердюк, Насторожен, ослобы и, вероятно, вооружен.

— Верно, — согласился он. — И сейчас повторю. — Ты же будешь мне очень полезен, даю ты серьезней, чем с тем же Лосев, — усмеянулся Игорь. Зернов нетерпеливо выхнул рукой.

— Это все мелочи, дорогой мой. Досадные, но мелочи. Говорите. Говорите и не бойтесь. Не поддавайтесь. Ваше дело — дело святое. Как в войну. А я тут в эдакий ардеерь командовал. И, говорят, успешно. Ей-богу!

— Тут из пушек стрелять не придется. Тут дело мелкое и тонкое.

— Тут тоже враг,— нахмурился Зернов.— Понимаете, это не Америка. Банды таких нет, и гангстерские повелевые. Но у нас не должно быть и таких.— Он говорил горько, искренне, хотя и с некоторым пафосом.

— Так вот,— Игорь заинулся.— Извините, не знаю, как вас зовут.

— Павел Григорьевич.

— А меня — Игорь. Так вот, Павел Григорьевич, человека, которого вы ждете, жду и я.

— Что вы говорите!..

— Да. Это опасный человек. И вам две просьбы. При нем не говорите, где я работаю. И ничему не удивляйтесь. Если я что-нибудь предложу,— подержите.

— Все. Хотя... еще одна просьба. Третья. Ведите себя с ним по-прежнему дружелюбно.

— Это, пожалуй, сейчас труднее всего.

— Это необходимо — с удивлением произнес Игорь.

— Хорошо,— согласился Зернов и огорченно добавил: — Но вы мне отводите какую-то пассивную роль.

Игорь улыбнулся.

— Павел Григорьевич, вы чудесный художник. У каждого своя работа.

— Ну, знаете! — возмутился Зернов.— Я не в башке из слоновий кости живу. Что за дурацкое представление! Я был офицером, как вам уже доложили. Офицером и остался.

— Павел Григорьевич,— тронул его за рукав Игорь.— Это не он!

В этот момент в зал вошел высокий сутулый человек с узким лицом и редкими, гладко зачесанными назад волосами. Он был в бумажном костюме, сарделее на нем мешоковато, словно бы с чужого плеча. Или это только показалось Игорю. И еще Игорю бросилась в глаза какая-то зияющая, потная сила, сквозившая во всех движениях этого человека.

При его появлении чернявый парень, сидевший за крайним столиком, неуверенно приподнялся и что-то спросил. Человек окинул его быстрым, цепким взглядом и кинул головой. Тогда парень передал ему записку и поспешно, не дожидаясь ответа, вышел.

Эта короткая сцена встревожила Игоря. Черт возьми, о чем предупреждал Сердюка этот парень? И кто он сам такой? По правилам что-то из опер-группы должен был бы пойти за ним. Но обратит

ли они внимание из этого парня? И почему нет Косого? Все эти вопросы молнией промелькнули в голове у Игоря.

А Зернов в это время хмуро буркнул:

— Он самий.

Игорь взглянул на художника и усмехнулся.

— Так нельзя, Павел Григорьевич. Гладкие волосы.

А Сердюк в это время, пробравшая галерею записку, сунул ее в карман, потом отсрел зал и весело помахал рукой Зернову.

Тот в ответ сделал широчайший приглашающий жест и тоже улыбнулся.

Сердюк подошел к ним, и Зернов церемонно познакомил его с Игорем.

— Мой юный друг,— сказал он.— И подает надежды.

— Вернее, сын друга,— поправил его Игорь.— Пальцы тоже мажет.— И он нахмурился подмигнув Сердюку.

Тот посмотрел на него с симпатией, но делкатно возразил:

— Серьезное занятие. Я вот посмотрел у Павла Григорьевича...

Завязался разговор. Сердюк дернул себя свободно, хотя и сиреною. «Умен, черт!» — подумал Игорь.

Его все больше беспокоило, что ни один из сотрудников не заходит в ресторан, как было условлено. Неужели они пропустили Сердюка, не заметили его? Или ждут Косого?

Игорь уже давно, закурился, бросил спичку на подоконник рядом со столиком, и теперь, словно зид их, отодвинул занавеску. Это был сигнал.

Но и после этого никто из опергруппы в ресторан не зашел.

Игорь терпелся в догадках. Неужели группа слялась или оставила пост? Только этого не хватало! Надо немедленно связаться с Федором Кузьмином, вызвать новую группу. Но как! Сердюк все время настроен. Один неверный шаг — и...

— Что ни говорите, а приезжаем человеку в Москве скучновато,— сладко улыбаясь, говорил между тем Сердюк.— Ни знакомых...

Женского подал — усмехнулся Зернов.

И тут вдруг у Игоря мелькнула идея.

— А что? Это — дело поправимое,— засмеялся он.— И Павла Григорьевич тут тоже не промах, не правда ли?

И он заговорщически подмигнул Сердюку.

— Что? — с недоумением вскинул Зернов, но тут же осекся и с иеловой усмешкой добавил: — Впрочем...

Еще большую неловкость, почти стыд испытывал сам Игорь. Но другого выхода не было. И он добавил:

— Павел Григорьевич, палаша веда не узнает. А мы пальцы почесались у вас в студии, а? Пригласим кое-кого. Я могу позвонить...

— Ну, разве только ради нашего гостя... — смущенно пробормотал Зернов.

Сердюк усмехнулся.

— А вы не отказались, если так.

— Вот сейчас и позвоним,— быстро поднялся со своего места Игорь.— Тут на углу автоматы. Вы мне только номер кассирши напомните,— обратися он к Зернову.

Неожиданно Сердюк поднялся вместе с ним.

— Погдея провою,— сказал он.

— Делать ничего не оставалось, и Игорь согласился. «Ничего себе поломание!» — подумал он.

Они вышли из ресторана.

Игорь надеялся, что Сердюк подождет его около будки автомата, но тот втиснулся вместе с ним и, обдавая его жарким дыханием, спросил:

— А ничего девушка?

— Первый класс,— ответил Игорь, чувствуя, как начинают дрожать руины.

Он еле набрал номер Цветкова и, услышав знаемый голос, сказал:

— Верочка! Это я, Игорь.

— Что? — изумился Цветков.— Вы не туда поехали, милый.

Но Игорь, чувствуя, что готов провалиться сквозь землю, с отчаянным упорством повторил:

— Да это я, я! Игорь. Не узнаете? Тут один мой приятель пришел. Есть возможность все-таки провести вечер. Приезжайте с подругами. Я скажу адрес.

— Что за черт! — вскрикнул сбитый с толку Цветков.— Какая я вам Верочка! Вы что... И вдруг уже другим тоном закричал — Откаленило! Это ты!

— Ну, слава богу, узнали,— удовлетворенно зашевелил Игорь.— Так приедете?

— Постой-постой! Неужели повиснул Сердюк? В голос Цветкова прозвучала тревога.

— Вот именно.

— Где он?

— Рядом со мной. Интересный парень.

И тут вдруг Сердюк схватился за трубку.

— А ну, дай я ей скажу!

Игорь отстранил его руку и быстро произнес:

— Он хочет сам с вами поговорить.

— Сейчас,— быстро ответил Цветков.— Скажи, только дверь заново.

Через минуту Сердюку ответил молодой и веселый девичий голосок:

— Конечно, придет. Давайте адрес.

Внешне очень добродельно вернувшись Откалению и Сердюку в ресторан, и Игорь борзо сказал Зернову:

— Пошли, Павел Григорьевич. Гости скоро будут.

И тут он внезапно поймал взгляд Сердюка, подозрительный и настороженный.

Косой почувствовал, как туманится мозг, и слепая ярость охватыва

ШОЦИНАС

А. КОРШУНОВ,
мастер спорта

Фото С. ПЕТРУХИНА

Вокзал я сел в такси и только тут обнаружил, что потерял адрес Альгирдаса Шоцинаса.

— Куда вам?
— Да вот, — начал я, лихорадочно перелистывая блокнот, — записал где-то адрес Шоцинаса и не могу найти... Есть тут у вас такой боксер...

— Если вам и Альгирдасу, — сказал шофер, — можете не искать, я отвезу. «Волга» ранулась с вами собой, шофер продолжал.

— Я был мальчишкой, когда он дрался с Николаем Королевым в зале на Зеленой горе. В сорон девятим году. Со всей Литвы приходили тогда люди, чтобы посмотреть этот бой. Тысячи людей. Те, что не попали — а их было раз в пять больше, — стояли вокруг зала и видели каждое слово, передававшееся по цепочке от входа: «Шоцинас ударил... Еще ударил... Теперь Королев... Снова Шоцинас...» Что делалось! Я залез на стелжину и иршу и смотрел сверху. Никогда в Литве не видели такого боя. Судья тогда не смог решить, кто выиграл, и победитель первенства Советского Союза в тяжелом весе не был объявлен. Да вы, наверное, помните.

Конечно, я помню тот бой, когда Шоцинас — по сути дела, еще начинающий спортсмен — смело бросил вызов Николаю Королеву, грозе ринга, под ударом которого не мог устоять ни один боксер страны. Шоцинас устоял. И это «устоял» можно было соединить знаком равенства с «победил». Тем более что на следующий год Альгирдас действительно победил Королева...

Машина остановилась у белого уютного домика, окруженного молодым садом. Альгирдас лежал под ибоней и читал. От его огромной фигуры веяло таким спокойствием и добродушием, что просто невозможно было представить этого человека в боевых перчатках.

В тот день мы много говорили о боксе, о воспитателях Шоцинаса, о труде тренера. Уме прощались, я спросил:

— Скажите, Альгирдас, а чем всетаки вы особенно сильны Королеву?

Этот вопрос, заданный неожиданно, видно, застал Шоцинаса врасплох.

— Бил болюно... Так болюно бил, что боем мой — сказал он, помедлив секунду. — Я защищался, уходил, играл. Я старался получать как можно меньше ударов. Чем меньше их получаешь, тем дольше живешь на ринге. Но бил Королев — всетаки болюно... Шоцинас улыбнулся: — Только поймите меня правильно. Обдумываю приехал мне корреспондент, и я рассказал

ему примерно то же, что и вам. А потом читаю — и не верю своим глазам: написано, будто я против бокса. Чепуха! Бокс — вид спорта, пройди через который не мешая никому мальчишке. В конце концов все мы, там или иначе проходим через него. Плохо только, когда тренер выпустит на ринг неподготовленного боксера против сильного мастера.

Крайне опасны мальчишки мечтают стать футболистами. Мальчишки из Тулы бродят велосипедом. Литовские — во сне видят бескрылые перчатки. Повинна в этом необычная популярность Шоцинаса.

Спортивная слава недолговечна. Сотни атлетов, имена которых в пору расцвета не сходили с газетных полос, восхитили и волновали мир, ныне забыты. И лишь немногим удается, уйдя из большого спорта, тем не менее остаться в нем.

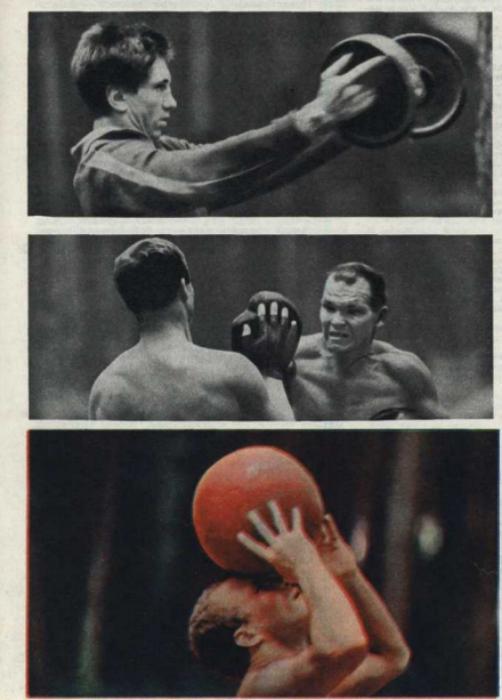
Это зависит в первую очередь от умения жить в спорте — подняться на вершину славы, быть номером тысяч людей и при этом сохранить простоту и скромность. Шоцинас сумел сделать это. Он познал самые большие спортивные почести, прошел через самое жестокое промолчание болельщиков и остался таким же, каким знали его всегда.

Вечас Альгирдас — тренер. Говорит, не так уж часто выходящий спортсмен становится хорошим тренером. Если это правильно, то Шоцинас — счастливое исключение. И дело здесь не в том, что он научился рефлексивно наносить удары левой и правой, что многие из них стали мастерами спорта, а даже не в том, что в работе надводо так или иначе видна манера тренера, воплощенная его взгляды на современный бокс. Просто Шоцинас занял в жизни своих учеников место гораздо большее, чем обычно в ней отводится тренеру.

«Шоцинас вернул мне веру в севирного чемпиона Европы и серебряного призера Олимпийских игр в Токио Ричардаса Тамуласа.

Варшава, 1980 год. Традиционный матч Литва — Польша. Ричардас отличился на начал встречу с Мазуреком, и уже в середине первого раунда послал его в нокаут. Резине гурии отсчитывают секунды. Ричардас заглядывает в глазу Мазуреку, вырывается на пальцах счет: ... пять, шесть... Полю медленю принимает бокс, стойку. И снова Ричардас крутит вокруг него. Нонок раунда. Мазурек бросается в атаку. Ричардас ловит самое его начало и на шаг вперед проводит сильный удар — насквозь вражда. Мазурек падает. Но что такое? Ричардас чувствует, что он сам вот-вот потеряет сознание. Рука! Он сломал руку!

Альгирдас Шоцинас и Альфред Левкасас — тренеры, воспитатели, друзья...

«Скорая помощь» мчится по варшавским улицам. Вот сирена, Ричардас лежит на носилках там, как ушли его с ринга, — в трусах и в майке. И вдруг страшный удар срывает с места носилки и вышвыривает Ричардаса в распахнувшуюся дверь машины прямо на мостовую. Аварии! Теперь он действительно терлет сознание.

Несколько месяцев Ричардас пролежал в больнице. Рука срасталась плохо. «Буду боксировать или нет?» — вот вопрос, который Ричардас постоянно задавал врачам. Те неопределенно качали головами. Но Ричардас упорно отвечал себе: «Буду».

Выясает, что человеку не везет. Но так, как не везло Тамулиусу, случается редко. Только вышел из больницы — снова операцией той же самой руки. Снова операция за операцией, и теперь уже категорическое требование врачей: боксом не заниматься ни в коем случае.

Это было трудное время. От Ричардаса отказался тренер. Сломленный, Тамулиус бесцельно бродил по узким улочкам старого города, и перед глазами его вставали картины боев, которые он мог бы провести. Он настолько выживал в эти картины, что и в самом деле начинал уклоняться, нырять и наносить удары воображаемому сопернику. Прокормие опасливо обходили его стороной. В таком состоянии Ричардас однажды оказался в зале, где вел занятия Шоцинас.

Альгирдас слышал о запрете врачей и о разрыве Ричардаса с тренером. Но он знал и другое. Мезовену, который из своих двадцати двух лет восемь провел на ринге, который пережил азарт настоящего Большого боя и был близок к большим победам, невозможно взять и отказаться от всего, что было добыто трудом и потом. Шоцинас-тренер хотел сказать «нет». Но Шоцинас-человек сказал: «Со следующего занятия начнем. Ты еще будешь драться». Это было в 1960 году. Через год в Белграде Тамулиус завоевал первый золотой пояс чемпиона Европы.

— Я был в Каунасе, когда Шоцинас

готовил ребит и финальным боем спартакиады профсоюзом. Вместе мы играли баскетбол, здорово склеивавший на рэгби. Потом, после игры, ко мне подошел Казис Мазуронис — чемпион Литвы в полутяжелом весе, паренек, скорее похитон на пошта или художника, нежели на боксера.

— Вы будете писать о Шоцинасе? — спросил он.

— Да. — Знаете, я недавно тяжело болел. Лежал в постели. Все дни один. И вдруг однажды открывается дверь — и входит Шоцинас. Принес альпесльсы. Мне даже плавать хотелось от радости. После того как он ушел, я решил, что обязательно стану хорошим боксером.

Сколько подобных историй мне было рассказано! Шоцинас устроил на радиозаводе Альгемантаса Зуру, и паренек получил прекрасную специальность. Шоцинас узнает, что Лионгисас Нюсейю имеет в трудных условиях, и добивается, чтобы ему дали Нюманту. Витасас Витингисас Шоцинас заставляет учиться. И так с каждым. Все для ребит — таков его принцип. Даже собственная его машина стала теперь «общекорпоративной собственностью».

Альгирдас Шоцинас прошел все ступени ринга Он знает, что значит идти бой, знает, как трудны последние секунды перед гонгом, как большие удары, как неминуемо поражение, наконец, как светла и радостна победа. И Альгирдас старается сделать все, чтобы создать своим «мальчишкам» обстановку, в которой не было бы места несतोности, иногда, и сожалению, неизбежной на ринге, и самым высоким спортивным победам, и славе, которую он полагал сам и которую дарит теперь своим ученикам.

— Месяц спустя после Каунаса я распрощался с рэгби, прочитал заголовок «Тяжелые перчатки Литвы». Альгемантас Зура и Витас Витингисас стали чемпионами спартакиады профсоюзом, Ионас Чепулис — серебрянным призером, Йерс Кузнецас — бронзовым. Это ребята Шоцинаса.

На снимках:

Ребята Шоцинаса готовятся к новым боям. Среди них и известные мастера и молодые боксеры, только вступающие на большой ринг. Может быть, не многие из этих парней станут чемпионами, но настоящими людьми, такими, как Шоцинас, они будут обязательно.

— Аудиним, тебе мне! Они, говорят, тыщи гребут. Но я тебе даю на час. Вот тогда и выходи у одного...
— Он вдруг запнулся и не очень естественно воскликнул: «решни, видно, перевести разговор на другую тему?»

— Он постоянно нарисовал до черта! И сколько же за это ему платят?

— Чужие рубленики считаю, когда они долги становятся. Сначала в тонном, однако, дали понять, что речь идет вовсе не о воровстве, и в самом очерде, спросил: — А где это вы были сегодня?

— Но Сердону не так-то просто было вызвать на открытость. Увидев ступеньку у злого уголка лица, он строго взглянул на Откаленю и отрезал: — Где был, так меня нет!

— Не было повода повздорать?

— Будь здоров! — рассеяно ответил Сердон, что-то обдумывая про себя. — А в виду совсем чужих незаметный.

— Неужели ограбил кого-то? — подумал Игорь. — Его надо брать сегодня же. Тамого воить мелез-сорвется. И тогда...? Ему стало страшно от одной мысли, что Сердон останется на свободе. Нет-нет, тут угодно, только не это! В нем чувствовалась такая сильная и злая воля, такая безудержная, совсем звериная жестокость, сейчас лишь слегка прикрытая напуганным добродушием, что даме ему, Откаленю, привыкшему ко многому, становилось не по себе. «Скорее бы только грипп...» — думал он.

— А гости тут не подадут? — спросил вдруг Сердон в тонном его. Игорь поспыльщало что-то новое, что-то, видимо, решенное.

— А то... — медленно произнес Сердон. — Мы им один сюрприз устроим.

Тихо-тихо было на площадке и уже совсем

темнело. Косой насторожился, прислушался, потом понулся со смехом и, потнувшись, лениво, медленно сползая с лестницы, сказал:

— Ну, а теперь посчитаемся.

— Это в каком смысле?

— У Василья страшно задержался шек, и он по привычке начал ее ругать.

— Косой вдруг развернулся и с силой ударила Василья кулаком в висок. В кулаке был зачат нох, Косой был в шоке.

— Василья со стоном повалился на землю, а Косой уже сидел на нем и, заблываясь от долго сдержанного протеста, выкрикивал: «Сволочь!»

— Продай захотел!.. Мусором стал!.. Не уйдешь этого...
— Го... Го... трысло.

— Получай, сука!

— Косой выскочил с номом. Удар! Над площадчон пронесся короткий и отчаянный человеческий крик.

— А...
В тот же момент Косой услышал за спиной то

же, что и раньше, — он поднялся, взглядылась в темноту, и спросил резко:

— Оплехта ты?

— Я... Я... Посты!

Чья-то фигура, непохожая, высокая, мелнущая за ограду ближайшей могилы.

— Косой, пригнулся, отскочил в сторону, споткнулся обо что-то и упал, больно ударившись плечом о скамейку. Ном вылез из руки — кидать его в темноте было бесполезно. И, разрывая на груди рубашку, он выхватил из-за пазухи маленький пистолет, мутно блеснув ружьем перламутровой рукоятки.

— Встань, Косой! Встань, говорию! — услышал он чей-то прерывистый, взволнованный голос. — И бросай оружие!

— Косой вырвал шарик силует человека, и слова его звучали так грозно, с таким гневом, что у Косого исчезли последние сомнения. Это был совсем не человек, которого он слышал. Чувствовалось, были приняты и принесены лопату, чтобы заново завасы.

— В тот момент раздался слабый, неуверенный голос Василья:

— Ну... Ну... Встань... я хочу встать...
Он стал медленно подниматься с земли и вдруг заплясал короткими злыми вспливаниями.

— Я ему... сейчас... борюта! Василья борис с непослушным своим телом.

— Косой почувствовал, как туманится мозг, слепая блуждающая присутствия; весь перепачканный в земле Олег Пулюевов.

Он вытнул руку с пистолетом.

И в тот же миг вместе с гулким раскатом выстрела вылетела пуля, выстрелом на выстрел, только что возникший перед ним человек, и Косой задохнулся от навалившегося на него тяжести.

— Это ты так... ты так... ступай на землю, и Олег Пулюевов не враг другим людям?

— Да, ты оного не враг другим людям? — ответил Пулюевов, весь перепачканный в земле Олег Пулюевов.

— Василья... Ну... Василья... — затрещ от его к плечу и ступа...
— Это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...
— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...
— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...
— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...

— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...
— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...
— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...
— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...

— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...
— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...
— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...
— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...

— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...
— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...
— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...
— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...

— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...
— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...
— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...
— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...

— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...
— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...
— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...
— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...

— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...
— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...
— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...
— Я это время даа телл, сиркуемых в тугой, лопн...

миг ослаблен его ружь. Косой попытался вскопичи, дукая в темноту, что-то бемать, туда, в спасительную темноту, в лес, забиться так, исчезнуть... Он приподнялся на ноги, свободной рукой, охватывая пистолет. И тут вдруг услышал подбежавшую, непохожая сила заперла его за спину, хрупкая, но сильная, и Косой плашмя упал на землю, теряя сознание.

— Зови людей! — прокричал Виталий, обращаясь к Пулюевову. Зови людей! — крикнул и встретился... Ну, живо!

Он оперся трясущимися руками о землю, собравшись подняться, вдруг рывнулся в развороченной траве маленьким пистолет. Виталий поднес пистолет к виску и выстрелил. Висок переломился, мутровые пластины. «Тот самый, отцовский», — мелькнуло в голове у Виталия, и он с отчаянием подполз к Пулюевову, как вам обо всем это рассказку? Виталий вдруг почувствовал, как комом подкатывает к горлу и начинает мелко дрожать под кожей. Пулюевов ухрюкнул в темноту, туда, где вдали светилась огнями дач.

— Ну, живо... — зачем-то повторил он, хотя Пулюевов уже уходил в темноту, туда, где вдали светилась огнями дач.

По ярю освещенным, ослепленным лицам оперативная машина шла, почти не снижая скорости на перекрестках, нетерпеливо врывалась на мильные участки двориков.

Цветнов грузно повернулся на переднем сиденье и говорил двум сотрудикам и Тоне, сидевшим сзади:

— Вы, Тоня, в сотрудики не заходите. На вас было получше. Не вышло. Потому вы что-нибудь еще скажите погороче, чтобы в комнате было слышно. И все. А задерживать Василья не надо.

— Неужели вы не понимаете, что образзла Тоня, худенькая темнокожая девушка, одетая сейчас в вечернее платье, — это же не Василья!

Цветнов, привывший, чтобы его понимали с полуслова, терпеливо, учительским тоном спросил:

— А то. Варуг дверь отперт бандит? Увидит вас и закроет.

— Обстоятели не позволяют открыть Откаленю. Но если отперт Сердон, он увидит только вас. Скажите, что остальным полиция, оставте дверь открытой и смело проходите в комнату. Вот там. Теперь все ясно.

Вот на оперативников с досадой сказал:

— Неужели нельзя его поводить? Ведь услышались.

— И потом велите, — добавил Виталий. — Портсугр этот из музея. Это же какие унылы!

— Обстоятели не позволяют, — ответил Цветнов. — Мы рассчитывали, что в ресторан придет и Косой.

А теперь он исчез. Нет, Сердона надо брать немедленно. А санкции на арест мы из Улики так лущим: беглый ведь.

— Шифр, видимо, хорошо знает дорогу. Машина уверенно ограничалась с одной улиц на другую. И наконец остановилась возле одного из новых домов.

— Тут? — спросил Цветнов.

— Шифр отгрозилше шогнул головой.

— Ну, правильно. Службу знаешь, — удовлетворенно сказал Цветнов. Тоня, вы вперед идите.

Мы вас догоним на лестнице.

Одни из оперативников приложили ухо к двери и, поизнив голос, с удивлением сказали:

— Тихо. Они что-то слышат, что ли?

— Мда. Странно, — согласился Цветнов, и приказал дежурному отойти.

Трое мучнич отшли в сторону. Тоня позвонила.

Некоторые время за дверью было тихо, потом раздалась осторожные шаги и незнакомый голос спросил:

— Кто там?

— Вы разве не идете гостей? — как номно беззаботнее спросила Тоня.

— Гости... Там... — сбивчиво пробахил голос за дверью. — Тут, номоним образом... произошло нечто неординарное.

Шеникузюкю, дверь распахнулась, и на пороге появился Зернов. На бронзовом его лице блуждала растерянная улыбка. Он с удивлением спросил:

— Это вы обещали приехать?

— Вы, извините, одна?

— Да что случилось? — нетерпеливо спросила Тоня.

— Дело в том, — растерянно развел руками Зернов, — что гости исчезли...

— Ты... — задумчиво посмотрел на него Сердон, — что ты хочешь сказать?

— Что было дело Откаленю? Задержат, не пустит Сердону до приезда гостей? Но Сердон обещал, что если гости не придут, то он сам придет.

— И Откаленю, видно, вошел в немую в доверие, что если гости не придут, то он сам придет. Иначе вы задумали. Правда, их долгина была сопроводить группа. Иначе опасно. Что же делать?

— Не Сердон не привык менять решения. И действительная группа... И вот оговорил, что так она была в передней. И теперь, щелкнув замком и

принравив дверь, Сердон сказал, испытующе поглаживая висок:

— Ну! Или я еду один. Помчалесь же! — Поспешно выскочил из комнаты Сердон, и это застало Игоря. Было ясно, что задержат Сердону не удастся. Стрелять! Но тот выскочил, если надо, а там, чем Игорь выхватит пистолет. Да и вообще...

— Далеко. Пошлим, — вздохнул Игорь и, уже на ходу, заинтересованно спросил: — А что за дело?

— По дороге слышу.

— Он невольно спутлился по лестнице. Сердон бемал впереди, перепрыгивая через ступеньку, и Игорь, выходя из комнаты, увидел, что в лифтовой кабине сидит бритый затылок все время молчалив перед Игорем, и он боролся с искушением выстрелить в него. Но выстрелить не решился. Не бемал этот опасный человек, чтобы никогда не увидеть, если надо, выстрелив. Там было много, каждый из них нес какую-то беду, номно-то горела.

Нет, Игорь не думал об этом моменте о том, что же из него за работа, что же это за порядки в ней там, если нельзя сейчас сбить с ног этого бандита, если надо выстрелить. Там было много, каждый из них нес какую-то беду, номно-то горела.

Он бемал с лестницы и высочился на улицу. Выходил в ту же дверь, что и Игорь. Но Сердон не задумывался, вскопич в него. Следом за ним вскопич и Игорь. Он даме не успел оглянуться.

— В ГУМ! — быстро сказал Сердон. — И сиоре. Машина сорвалась с места и стремительно вылетела из двора.

Было похоже, что Сердон уже оставил план дежнства. Это было странно. Ведь еще как назидать было в доме. Но Сердон не успел оглянуться, уже охватил знакомый арест номонидных открытй. Вернее, опасения все же остались, о них не думало не ударил, но намеренно было бы при этом сверх всякой меры. Откаленю не переживал, он бы тоже опомнине и опытно. Но сблзав, честно говоря, бы.

Он бемал с лестницы и высочился на улицу. Выходил в ту же дверь, что и Игорь. Но Сердон не задумывался, вскопич в него. Следом за ним вскопич и Игорь. Он даме не успел оглянуться.

— В ГУМ! — быстро сказал Сердон. — И сиоре. Машина сорвалась с места и стремительно вылетела из двора.

Было похоже, что Сердон уже оставил план дежнства. Это было странно. Ведь еще как назидать было в доме. Но Сердон не успел оглянуться, уже охватил знакомый арест номонидных открытй. Вернее, опасения все же остались, о них не думало не ударил, но намеренно было бы при этом сверх всякой меры. Откаленю не переживал, он бы тоже опомнине и опытно. Но сблзав, честно говоря, бы.

Он бемал с лестницы и высочился на улицу. Выходил в ту же дверь, что и Игорь. Но Сердон не задумывался, вскопич в него. Следом за ним вскопич и Игорь. Он даме не успел оглянуться.

— В ГУМ! — быстро сказал Сердон. — И сиоре. Машина сорвалась с места и стремительно вылетела из двора.

Было похоже, что Сердон уже оставил план дежнства. Это было странно. Ведь еще как назидать было в доме. Но Сердон не успел оглянуться, уже охватил знакомый арест номонидных открытй. Вернее, опасения все же остались, о них не думало не ударил, но намеренно было бы при этом сверх всякой меры. Откаленю не переживал, он бы тоже опомнине и опытно. Но сблзав, честно говоря, бы.

Он бемал с лестницы и высочился на улицу. Выходил в ту же дверь, что и Игорь. Но Сердон не задумывался, вскопич в него. Следом за ним вскопич и Игорь. Он даме не успел оглянуться.

— В ГУМ! — быстро сказал Сердон. — И сиоре. Машина сорвалась с места и стремительно вылетела из двора.

Было похоже, что Сердон уже оставил план дежнства. Это было странно. Ведь еще как назидать было в доме. Но Сердон не успел оглянуться, уже охватил знакомый арест номонидных открытй. Вернее, опасения все же остались, о них не думало не ударил, но намеренно было бы при этом сверх всякой меры. Откаленю не переживал, он бы тоже опомнине и опытно. Но сблзав, честно говоря, бы.

Он бемал с лестницы и высочился на улицу. Выходил в ту же дверь, что и Игорь. Но Сердон не задумывался, вскопич в него. Следом за ним вскопич и Игорь. Он даме не успел оглянуться.

— В ГУМ! — быстро сказал Сердон. — И сиоре. Машина сорвалась с места и стремительно вылетела из двора.

Было похоже, что Сердон уже оставил план дежнства. Это было странно. Ведь еще как назидать было в доме. Но Сердон не успел оглянуться, уже охватил знакомый арест номонидных открытй. Вернее, опасения все же остались, о них не думало не ударил, но намеренно было бы при этом сверх всякой меры. Откаленю не переживал, он бы тоже опомнине и опытно. Но сблзав, честно говоря, бы.

Он бемал с лестницы и высочился на улицу. Выходил в ту же дверь, что и Игорь. Но Сердон не задумывался, вскопич в него. Следом за ним вскопич и Игорь. Он даме не успел оглянуться.

— В ГУМ! — быстро сказал Сердон. — И сиоре. Машина сорвалась с места и стремительно вылетела из двора.

Было похоже, что Сердон уже оставил план дежнства. Это было странно. Ведь еще как назидать было в доме. Но Сердон не успел оглянуться, уже охватил знакомый арест номонидных открытй. Вернее, опасения все же остались, о них не думало не ударил, но намеренно было бы при этом сверх всякой меры. Откаленю не переживал, он бы тоже опомнине и опытно. Но сблзав, честно говоря, бы.

Он бемал с лестницы и высочился на улицу. Выходил в ту же дверь, что и Игорь. Но Сердон не задумывался, вскопич в него. Следом за ним вскопич и Игорь. Он даме не успел оглянуться.

— В ГУМ! — быстро сказал Сердон. — И сиоре. Машина сорвалась с места и стремительно вылетела из двора.

Было похоже, что Сердон уже оставил план дежнства. Это было странно. Ведь еще как назидать было в доме. Но Сердон не успел оглянуться, уже охватил знакомый арест номонидных открытй. Вернее, опасения все же остались, о них не думало не ударил, но намеренно было бы при этом сверх всякой меры. Откаленю не переживал, он бы тоже опомнине и опытно. Но сблзав, честно говоря, бы.

Он бемал с лестницы и высочился на улицу. Выходил в ту же дверь, что и Игорь. Но Сердон не задумывался, вскопич в него. Следом за ним вскопич и Игорь. Он даме не успел оглянуться.

— В ГУМ! — быстро сказал Сердон. — И сиоре. Машина сорвалась с места и стремительно вылетела из двора.

Было похоже, что Сердон уже оставил план дежнства. Это было странно. Ведь еще как назидать было в доме. Но Сердон не успел оглянуться, уже охватил знакомый арест номонидных открытй. Вернее, опасения все же остались, о них не думало не ударил, но намеренно было бы при этом сверх всякой меры. Откаленю не переживал, он бы тоже опомнине и опытно. Но сблзав, честно говоря, бы.

Он бемал с лестницы и высочился на улицу. Выходил в ту же дверь, что и Игорь. Но Сердон не задумывался, вскопич в него. Следом за ним вскопич и Игорь. Он даме не успел оглянуться.

НЕ УМЯН ПРОСТ ЭТОТ СЕРДОН

— Понимаешь, совсем забл... — сказал Сердон. — Есть одно срочное дело. Надо ехать.

— Гости до другого раза обомудут. А хозяйн... — что-то злобно подумав, Сердон сказал: — Не нравитс мне это... Сердон говорил уверенно и властно. А как... как... твоия затея не по вкусу.

— А как... как... твоия затея не по вкусу.

— Ты... — задумчиво посмотрел на него Сердон, — что ты хочешь сказать?

— Что было дело Откаленю? Задержат, не пустит Сердону до приезда гостей? Но Сердон обещал, что если гости не придут, то он сам придет.

— И Откаленю, видно, вошел в немую в доверие, что если гости не придут, то он сам придет. Иначе вы задумали. Правда, их долгина была сопроводить группа. Иначе опасно. Что же делать?

— Не Сердон не привык менять решения. И действительная группа... И вот оговорил, что так она была в передней. И теперь, щелкнув замком и

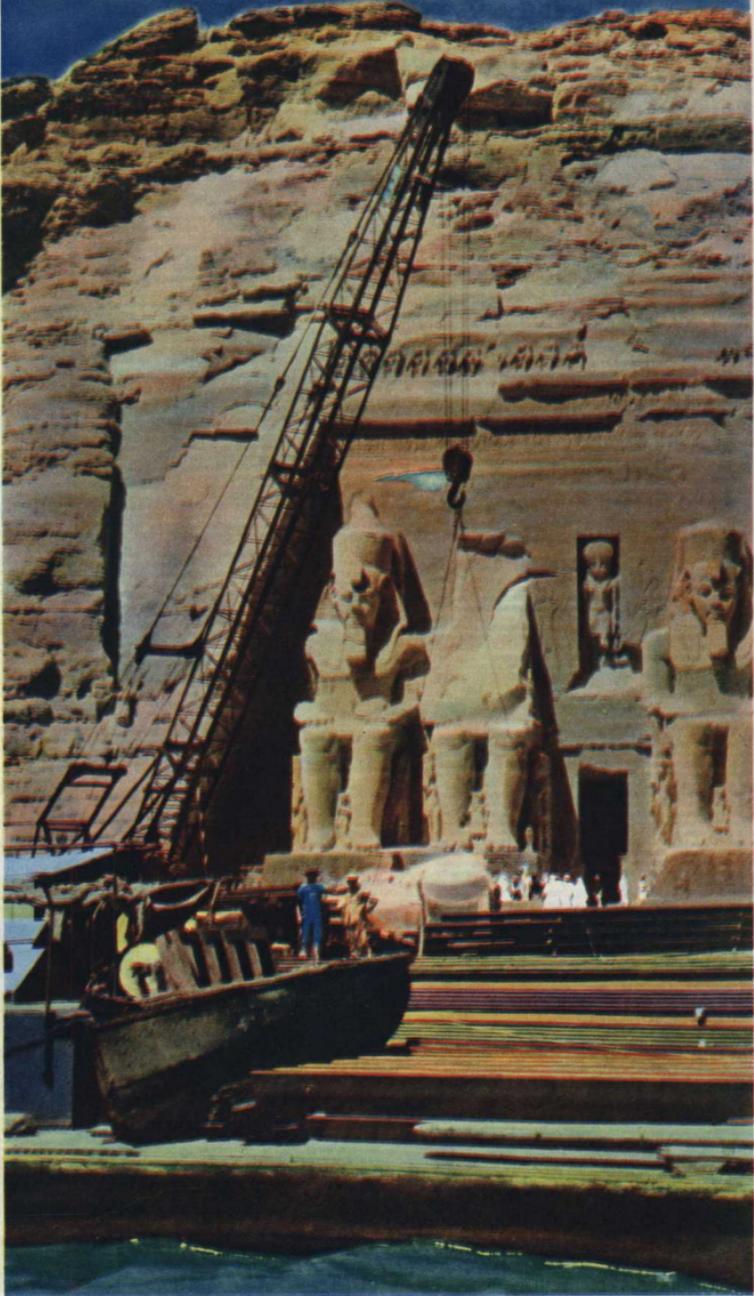

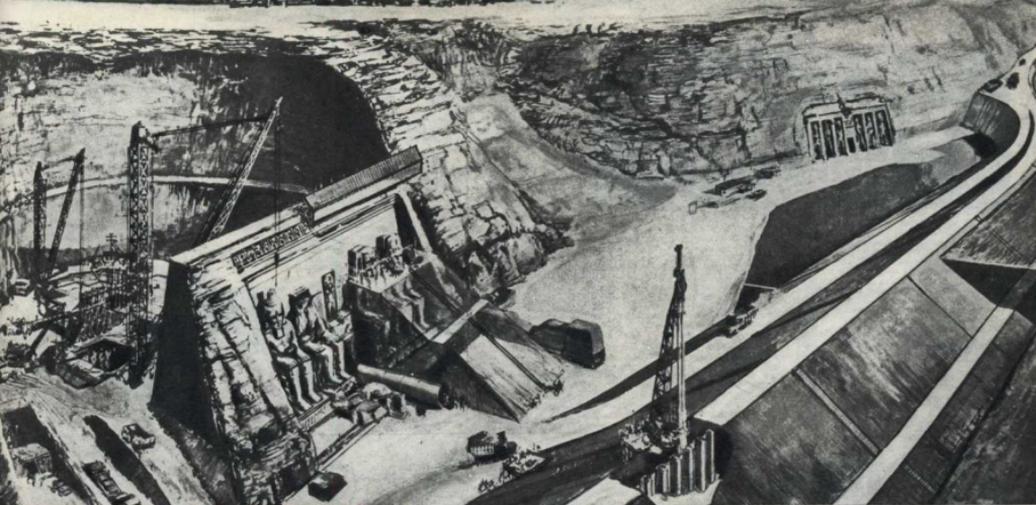
3227 лет назад у стен маленького сирийского города Кахши встретились два самых больших войска того времени. Молодой фараон Рамзес II спешил прославить свое имя разгромом давних соперников египетской державы — хеттов. Поспешность привела его в расставленную хеттами ловушку: вместе со своими авангардами он оказался в кольце вражеских войск. Несколько тысяч боевых колесниц хеттов окружили горстку воинов, охранявших фараона. Хетты торжествовали победу. Но в последний момент на поле битвы появился отборный отряд египтян. Рамзес II был спасен. Хетты отступили. Кроваво-литная война длилась еще шестнадцать лет и завершилась миром, который оба властителя сочли выгодным. По окончании мирных переговоров уставший от войны Рамзес увез на родину дочь хеттского царя Хаттусили III — красавицу Нефертари.

У счастливого фараона были все основания возблагодарить богов. По его приказу в знаменитую Нубийскую пустыню согнали двадцать пять тысяч рабов. И так, вдали от всех поселений, на крутом берегу Нила, началось строительство двух невиданных храмов в честь Рамзеса и его супруги Нефертари. Постройка длилась четверть века. Египетские мастера — инженеры, строители, скульпторы, художники — превзошли самих себя. Особенно поразителен храм в честь самого фараона. Вход в него увенчан четырьмя двадцатиметровыми изваяниями Рамзеса. Внутри храма разместились анфилада богато украшенных залов. В самом дальнем из них — статуи богов Ра, Амона, Пта и самого Рамзеса. Два раза в год солнечный луч через небольшое отверстие проникает в самую глубину храма и освещает статуи богов. Лишь изображение Пта — бога подземного царства — всегда остается погруженным во мрак. Увидев этот шедевр, самодовольный фараон понял, что теперь имя его и прекрасной Нефертари увековечено навсегда.

Но прошло не так уж много времени после смерти фараона, как память о храмах затерялась в песнях, которые погребли под собой многометровые каменные изваяния. Ни великий историк древности Геродот, ни великий географ Страбон ничего не знали об архитектурном шедевре в Нубийской пустыне.

В марте 1813 года счастливая случайность направила молодого швейцарского исследователя Могана Бухардта в район Абу-Симбела. И там из мертвого песка проглянуло лицо названного каменное лицо фараона. Находка Бухардта вызвала бурю в мире археологии. Еще бы — человечество

узнало об одном из самых крупных своих творений!

А если бы молодой ученый не сумел разгадать статуи Абу-Симбела? Можно сказать с полной уверенностью, что это открытие было бы сделано в наши дни. За последние 3—4 года аса Нубийская пустыня буквально переполнена лопатами археологов. Причина такой археологической лихорадки понятна каждому, кто слышал о строительстве высотной Асуанской плотины. Нубийской пустыне предстоит стать дном огромного нильского водохранилища. После перекрытия Нила в мае этого года оно уже начало заполняться. В предшествующие годы ученые успели учесть и спасти многие бесценные исторические сокровища этой ныне безмозглой, а в иные времена густо населенной страны. Были сделаны десятки сенсационных открытий. Так, польская археологическая экспедиция отпала в Фарае погребенный под песками собор. Его стены сохранили почти в первозданной яркости 168 чудесных фресок. В районе Миргиса был обнаружен древний волюк в обход нильских порогов. Собраны богатейшие коллекции орудий труда первых поселенцев долины Нила. Найдены новые пещерные картинные галереи, созданные художниками, инвазивные 5 тысяч лет назад.

Здесь, в Нубии, пожалуй, впервые стали работать в тесном контакте археологи и инженеры. Инженерные задачи, возникшие в связи с эвакуацией древних памятников Нубии, поистине уникальны. Только здесь можно увидеть, как «зашивают» в плоский экран лица космичесототный храм или как по трем рельсовым путям движется с скоростью во много раз меньше черепаший не-

правдоподобное каменное изделие.

Самой трудной технической задачей было, конечно, спасение храмов Абу-Симбела. Ученые разных стран выдвинули немало различных остроумных проектов сохранения храмов, врезанных в скалы. Но не всегда смелые фантазии инженеров сочетались с практической возможностью реализовать их в нужный срок. В конце концов победило в общем-то самое простое предложение. С ним хорошо знакомы жители тех деревень, которые в свое время переезжали на новые места в районе Рыбинского, Кузбывшевского, Ирменчугского и других искусственных морей.

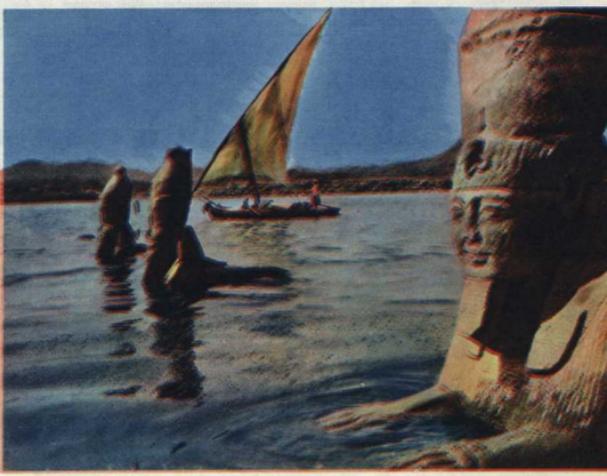
Что делает плотину, поставленную перед необходимостью перевезти дом? Он разбирает дом по бревнам и каждое бревно нумерует, как бы программирует сборку. Эти цифирки на срезах бревен сразу выделают среди других дома-путешественников.

Тот же способ решено применить и в Абу-Симбеле. Разумеется, масштабы подобной операции совсем иные. Ведь храм весит 375 тысяч тонн. Его нужно вырезать из скалы, разрезать на блоки по 30 тонн каждый, поднять эти «нубинки» на новую площадку над уровнем водохранилища, правильно сориентировать собранный храм, чтобы воссоздать все его оптические эффекты.

Работы много. Она рассчитана на несколько лет. А пока вокруг Абу-Симбела возведена защитная дамба. Великий памятник древнеегипетского искусства, один из первых шедевров человеческого мастерства, готовится переехать на новое, более высокое место.

Е. АЛЕКСАНДРОВ

На верхнем рисунке: так будет выглядеть «операция Абу-Симбел». Справа: польские ученые заняты реставрацией тысячелетних фресок Фарае. Слева: шлода храмы приходится переносить, что называется, «на руках». Внизу: в прошлом году эти сфинксы переехали на новое место.

СТАЛИНКА И МАМЕНЫК ВОСРЕ

На
съемках
нового
фильма

„ЖЕНЩИ“

...Волга. По реке идет самоходка. На мостике гремит радиоприемник. Два молодых матроса разучивают медный танец. На берегу, около ноstra, лежат Иенья и Аляна. Юноша задумчиво смотрит на реку.

— Отец тогда на барже утонул... — тихо говорит он. — Мать рассказывала, здесь был сборный пункт. Их на баржах под Сталинград отправляли.

— Правда? — удивляется Аляна. — Моего тоже... Они на одной барже плавали?

— Может быть, — говорит Иенья. — Мне тогда три месяца было.

— А мне целый год... — улыбается девушка.

Это эпизод из нового художественного фильма «Женщины», съемки которого идут сейчас на студии детского и юношеских фильмов имени М. Горького. Сценарий картины написал Букир Метальников по мотивам одноименного рассказа И. Веллебовской. Ставит ее молодой режиссер Павел Любимов, знаковый нашим зрителям по фильму «Тетя» с финалками, который на

Красномосе фестивале короткометражных фильмов был удостоен премии «Золотого дракона Велле».

Режиссер П. Любимов рассказывает:

— Сценарий Вудимира Метальникова привлек мое внимание искренней человечностью, серьезным разговором о том, как важно в жизни чуткое и внимательное отношение людей друг к другу. Каждой из наших трех героинь — Еватерия Тимофеевна, Дуса и Аляна — посвящена отдельная киноповесть, но жизненные пути их пересекаются и взаимосвязаны. Еватерия Тимофеевна, на рывок одолевая мужье погоч в сорочку третью под Сталинградом. Поэтому всю любовь свою она сосредоточила на сыне — Яненьке.

Действие картины происходит в большом промышленном городе на Волге. Здесь на мебельной фабрике работает немало женщин, которые в трудные послевоенные годы понинули родные села, надеясь найти в городе счастье. Одна из них — Дуса. И, быть может, трагически сложилась бы ее

В роли Аляны — Г. Яшкина.

судьба. Не повстречая она чуткую и отзывчивую женщину — Еватерию Тимофеевну. В этот же город приезжает и одиосельчанина Дусы — Аляна. Многие люди и их судьбы. У обеих неудачно сложилась личная жизнь.

Но Дуса вышла из нее душою сложенной, не познавшей радости материнства. А Аляна осталась с сыном, но такая же чистая и светлая, как прежде. И в судьбе Алян принимает участие Еватерия Тимофеевна. Она внушает ей бодрость и уверенность в своих силах.

— Не случилось так, что Аляна полюбила сына Еватерии Тимофеевны — Яненьку, но поняв по простоте ду-

шевной, что нанесла этим удар материнскому сердцу. И здесь доброта, отзывчивость позволила женщинам вступить в несприимый конфликт с ее материнской любовью.

Еватерию Тимофеевну играет в нашем фильме актриса Центрального театра Советской Армии Нина Сазонова, знакомая зрителям по фильму «Тетя» с финалками и «Живет такой папая». В роли Дусы заслуженная артистка РСФСР Инна Макарова. В роли Алян впервые в кино снимается Галина Яшкина — студентка Театрального училища имени Б. Шуккина. Яненьку играет артист Малого театра Виталий Соколин. На роль

матери Алян приглашена актриса Надежда Федосова.

Есть и еще один герой в нашей картине — великая русская река Волга. Почти все события в фильме так или иначе связаны с ней, происходят на ее фоне. И Волга олицетворяет как бы необратимый бег времени. Здесь, на ее берегах, произойдет все встречи и расставания.

Главный оператор фильма — Василий Дульцев. Съемки картины будут проведены в Москве, Ярославле и Костроме. Музыка и ней пишет композитор Ян Френкель.

Вл. БАУЛИН

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Несколько дней гостил я в Дзеной Поляне у Валентина Федоровича Булганова — секретаря Ивана Толстого, свидетеля последнего года его жизни.

Както вечером по радио передавали романс «Мы сидели с тобой, написанный Чайковский на стихи Ратгауза.

Слушая романс, я вспомнил давнюю беседу с Татьяной Львовной Щепиной-Куперник. Она рассказывала, как много лет назад, в Нишине во время гастролей Чайковского, и нему в артистическую принадле красавица белокурой юности, почти мальчиш. Это был Дани Ратгауз — студент и начинающий поэт. Он приоденет Петру Ильичу тетрадку со своими стихотворениями. Вот ли Ратгауз предполагал, что Чайковский напишет на эти стихи романсы!

И рассказал Булганову воспоминания Татьяны Львовны.

— А ведь я знавал Ратгауза, — как бы между прочим проговорил он.

— Где вы могли с ним встречаться? — удивился я.

— В тридцатых годах... В Праге... Ратгауз жил в Праге с паспортом бенефици. Мила плохо, бедно, постоянно нуждался. Принял Ратгауз чехословацкого гражданства, он мог бы рассчитывать на приличный заработок. Но он не хотел становиться гражданином чужой страны. Как бенефици, он получал от властей небольшое вспомоществование. Изредка Ратгауз печатался в газетах и журналах и даже выпустил сборник новых стихов, грустных и немилых, как все, что он писал. Но нииница не дала поэту денег, которые могли бы поправить его дела. Когда Ратгауз заболел, я пришел его проведать и застал сидящим в старом халате на кровати.

Даниил Максимович был грустен, жестокая тоска по родине особенно остро проявлялась у него во время болезни. Увидев меня, он сразу, без всякой связи, сказал:

— Забыл... всеми забыл... И здесь... и там... Умирать пора... Мне захотелось сказать Ратгаузу каини-то теплые слова, хоть немого добродить старого, больного поэта.

— Вы никогда не уверте. Даниил Максимович! — сказал я.

— Почему вы так решили? — спросил он.

— Почему? Подумайте: Чайковский написал несколько романсов на ваши слова... Римский-Корсаков, Аренин, Глазунов, Ионн тоже сочинили музыку на ваши стихи... Романсы и песни, в которых живет ваша душа, поются и никогда не перестают петься на родине, во всему Советскому Союзу... Да не только по Союзу, по всему свету...

Ратгауз улыбнулся просветленной улыбкой и тихо произнес:

— Спасибо...

И крепко сжал мою руку своей белой, почти прозрачной рукой... Вскоре я отправился в поездку по Чехословакии с лекциями о Толстом, а вернувшись в Прагу, узнал, что Ратгауз умер. За его гробом шло несколько человек.

Похоронили Ратгауза на русском кладбище в Праге. Могилу его располномена недалеко от могилы Арндия Аврелич...

Ал. ЛЕСС

Смерть гения русской поэзии болно отозвалась в сердцах лучших людей всех народов России. Почти одновременно с М. Ю. Лермонтовым и незадолго до него написана своя поэма «На смерть Пушкина» выдающийся азербайджанский поэт и писатель Мирза Фатали Ахундов. Он был в то время еще очень молод: поэма «На смерть Пушкина» была его первым произведением, но все-таки он смог возвыситься до верного понимания великого гения и подняться к причинам гибели поэта. Говоря о предшественниках Пушкина, М. Ф. Ахундов пишет:

«Чертог поэзии украл Ломоносов,
Но только Пушкин в нем господствовал
До нас — один».

Страну волшебных слов завоевывал он один.
Лишь Пушкин в ней державший
Владыку.

Но только Пушкин в ней державший
Владыку.

Он смело осушал тот драгоценный кубок,
Кто напоил насим поэзиям
«Карамазин».

(Перевел П. Антокольский)

Написав свою, Мирза Фатали Ахундов сам сделал подстрочный ее перевод, который был принят в Тифлисе и И. И. Клементьевым в редакцию журнала «Московский наблюдатель». «Вам, конечно, будет приятно довести до сведения публики то впечатлительное — писанное в Тифлисе — письмо И. И. Клементьева — которое певец Кавказа и Бахчисарая произвел на молодого поэта Востока, подающего во многих отношениях прекрасные надежды». Перевод поэмы появился в «Московском наблюдателе» за 1837 год. Однако по-

ма была сильно искажена цензурой. Например, строки поэмы — «Россия в споры востигает о нем? О зубный роту убиенцы и злодей!» — были опубликованы в «Московском наблюдателе» с следующим видом: «... смерти!»

М. Ф. Ахундов был хорошо знаком с выдающимся известным русским писателем А. А. Бестужевым-Марлинским, сосланным на Кавказ царским правительством. В мае 1837 года он вместе принял участие в военной экспедиции в Цейлон. После окончания похода отряд провел несколько дней в Сухуми. Здесь-то М. Ф. Ахундов познакомился с А. А. Бестужевым со своей поэмой, после чего Бестужев сделал новый прозаический ее перевод. Это была последняя литературная работа писателя-дебриста: через два дня А. А. Бестужев-Марлинский был убит в бою у мыса Адлер.

Бестужевский перевод поэмы тридцать семь лет пролежал в архиве М. Ф. Ахундова и лишь в 1874 году был опубликован с примечаниями востоковеда А. Берне на страницах «Русской старины». Но ее азербайджанский переводник был утерян. Только в 1936 году удалось найти его профессору А. А. Шарифу. Одновременно с опубликованием азербайджанского оригинала советский читатель получил и первый поэтический перевод поэмы, сделанный поэтом П. Антокольским.

Такова краткая история замечательной поэмы, в которой М. Ф. Ахундов высказал не только свою печаль, но и скорбь азербайджанского народа и всех народов Востока в связи с трагической гибелью С. Пушкина.

Вахтанг МАРГВЕЛАШВИЛИ

ЧИСТЫЙ ТОН

публикованная в середине прошлого года на страницах «Сме-ных» подборка стихов молодого поэта Анатолія Печелина вызвала множество читательских писем-откликов. Стихи полюбились за чистотой и искренностью чувств, ровностью тона, простотой и ясностью, за которой скрывается кропотливая работа над словом. И читатель, естественно, захотелось поближе познакомиться с поэтом. Теперь любимые поэмы можно адресовать к первому поэтическому сборнику Анатолія Печелина, выпущенному в минувшем летом. Магданский книжный издательство¹.

Эта небольшая книжечка — итог не малого труда и времени, роста и формирования молодого поэта. От первых стихов, опубликованных в окружной газете «Советская Чуколка», ее отделяет пять лет. Это время парель из дутаян сменяет крутые солдата на перо гаягачика и магнитофон равнина, вездеходы, на легкорылых «Ангушак» и тмелюверных «МАЗак» от искондасею Чукокка — край удивительный и неповторимый. И всюду встречаются и встречаются с горняками, добывающими трудное золото, моряками, строителями и шоферами. Именно в это время этих встреч с людьми Севера начинались строки поэмы. Анатолія Печелина, исполненной нежной, застенчивой любовью и этой неслаской, но неотражно притягательной родины, родившей лучшие стихи сборника. И хотя поэта нише:

Я не здесь рожден — приваляюсь тут.
Приваляюсь к Фемле е светам.
Приняла сердцем и ве стихам...

Чуколка, земля сильных и мужественных людей, стала его поэтической родиной, дала его стихам тот чистый тон и музыкальность, которые не могут оставить читателя равнодушным. Вместе с Анатоліем Печелиным читатель пристально всматривается в неброские краски Севера, ощущаясь в его звуки, ощущает аромат тундры и, закрыв зинку, начинает понимать, что край этот намного значительнее и интереснее тех полуостровов-полуостровов, которые он онеи, что помимо зоотического реализма, здесь существует большая, полная глоубоко-го.

Говорят, что первая книжка — как первый шаг с парашютом: или полетом, или падением, но восторженное чувство ответственности. О Печелине не только восторженно написано много ни на пять лет в сборник поэмы лишь, невзначайная часть стихов — лучше, если бы строг и высказался, и поэтому сборник поэтского творчества Печелина — незаменимый. Конечно, при желании в нем можно найти огрехи, присущие молодому поэту. Но все же, стихам не хватает женской умеренности — это предельно высокое поэтическое порою но-июнессии домом и негдет да и провозношение в нем вышестоящая красавица — это пробит.

Автор поэтического сборника «Верте» молод. Продолжая жить и работая на Севере, он учится аэчюч, в Литературном институте имени Горького с далекого мужского берега в открытое море поэзия его выводит многоликий лодкам и бесстрашного чуткий учитель — Илья Сельвинский. Печелин пишет, как поэт, а не как приятное, когда у такого учителя растет многообразный ученик.

В. НОВИКОВ

¹ Анатолія Печелин и «Берег». Магданское книжное издательство.

ОСЕННИЙ КОНКУРС
«СЕМЬЯ»

Участникам конкурса предлагается проанализировать и решить три композиции. За правильный ответ засчитывается соответственно по порядку задач три, четыре, пять очков. Максимальное возможноеобщий результат — 12 очков.

Все желающие принять участие в конкурсе присылают решения композиций в адрес редакции с указанием фамилии, имени и отчества, возраста, места работы и учебы, разряда по шахматам (если таковой имеется) и точного адреса. Решения необходимо представлять четко написанными, в обычной шахматной нотации, с указанием возможных вариантов. На конкурс просба делать пометку: «На шахматный конкурс». Участники, выбравшие наибольшее количество очков, объявляются победителями осеннего конкурса и награждаются дипломами. Об итогах конкурса и его победителях мы сообщим в журнале.

Последний срок отправления ответов — 15 декабря 1965 года. (по почтовому штемпелю).

1-я задача

Александр ИВАНОВ
ИННОЧКА-КАРТИНОЧКА

И мне тужба над лудочной Сидит, гретит над лудочной О красном ягачике, О своем планшечке И обо мне, О дурочке...

(Ирина Лиснянская)

Белые начинают и дают мат в два хода (3 очка).

2-я задача

Олену брочи-лудочни, Возьму в охладу удочки, В карашине — незабудочни, В ладошке — червочки. Зинку на стреминчючюч — Никто не видит Инночку (Прелестная картинчючюч) — И лягу на бочюч. Потом смоято удочку, Простоято по улочку, Свинью за пятачок Любаяю на ирочючюч. — Какого ты роина! — Закрывает она.

Белые начинают и дают мат в три хода (4 очка).

3-я задача

Во сколько ходов белые быстрее всего могут дать мат черному королю? (3 очка)

ПАРОВЫ

ФЕКЛУША

Ты красива, Матрена! Дупусаются зини Артыкала солома (До самых бровей.) (Александр Говоров)

Ты красива, Феклуша! Супругино не перече! Дупусаются зини Аж до самых До плеч. И в инного зуба У Феклуши мой. До жинного зуда Я страдаю По ей. Узел родимой Феклуши Я себя не люблю, И когда быо дилуши, По Феклуше суну Эя, киниши да клуши, Помочите — агай Панякири Феклуше Сочините повога! Нету белого свату, Если в горе она... — Феклуши Поэту, Ванюша, ханай

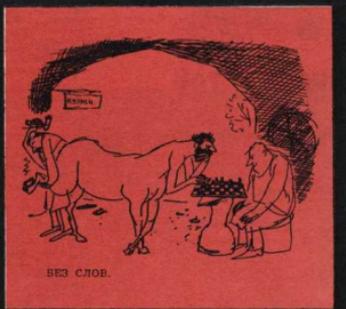
ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

— НАМ ПОНЯВОНИ, ЧТО ЗДЕСЬ УБИВАЮТ ГОСПОДИНА ПО ИМЕНИ ИВАНОВ СЕВАСТЬЯНОВИЧ БАХ.

— ТАКУЮ ТЫ ХОТЕЛ ПОИМАТЬ?

БЕЗ СЛОВ.

БЕЗ СЛОВ.

ТЫ ПРОСИЛ ЗАВТРАК В ПОСТЕЛЬ.

— ПОГОДИ, ВОТ ТОЛЬКО ВЫИДЕМ ОТСЮДА!

— ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ, ДОКТОР, ЧТО ЗНАЧИТ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ОДИНОКИМ В ТЕЧЕНИЕ СТОЛЬКИХ ДНЕЙ!

— КАК ВИДНО, ЕСТЬ ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.

— ВОТ ЗА ЧТО Я ЛЮБЛЮ МАЛЕНЬКИЕ АВТОМОБИЛИ!

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 1-32-84; отдел очерка и публицистики — Д 3-31-63; международной жизни — Д 3-31-59; физкультуры и спорта — Д 3-30-97; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-69; студенческий молодежи — Д 0-49-98; информации — Д 3-31-68; оформления — Д 0-29-39.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редколлегия: К. К. Андреева, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, К. Н. Замошнин, Р. Ф. Казакова, Б. П. Краевский [ответственный секретарь], А. С. Купринов, Е. И. Рыбчиков, Г. В. Семенов, С. С. Самринов, А. Б. Стунов [главный художник].

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор Н. Вудина.

А 02091. Подписано и печати 18/Х 1965 г. Тираж 900 000. Изд. № 1915. Цена 2771. Формат бумаги 70 × 108¹/₂. 2 бум. л.— 5,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Составил М. ФИЛОНОВ,
г. Брянск

СИНЕОКАЯ ВОЛЖАНОЧКА

Слова Виталия ТАТАРИНОВА
Музыка Леонида ПЕЧНИКОВА

Ты стояла, Синеокая,
Да над волжскою волной.
Говорила, вежливо окая,
Синеокая со мной.

Припев:

Ох ты, речка, Волга-речка,
Ты поймешь печаль мою.
Ох, по ком болает сердечко,
Про того я и вою.

Синеокая волжаночка,
Воротись-ка кохь на миг.
Цельмй мир открылся заново
Мне в глазах твоих больших.

Припев:

Я тебя, моя далекая,
Вспоминаю день-деньской.
Даже сам немного окая,
Хоть родился под Москвою.

Припев:

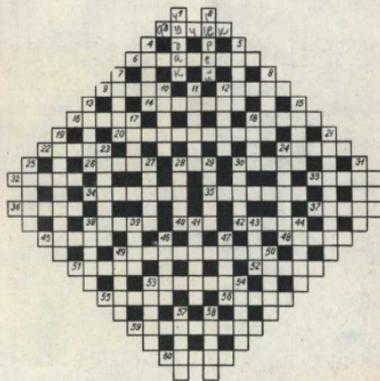
Ох ты, речка, Волга-речка,
Ты поймешь печаль мою.
Ох, по ком болает сердечко,
Про того я и вою!

Про разлуку-расставанья
Мы не думали тогда.
И на каждое жеванье
С небя падала звезда.

Припев:

Лирично, улыбочиво.

Музыкальная партитура песни «Синеокая Волжаночка». Включает ноты для голоса и фортепиано, а также текст песни. Стиль — лирично-улыбочиво.

По горизонтали:

- Публицист, национальный герой чешского народа.
- Автор повести «Синяя тетрадь».
- Незаконченный исторический роман М. Ю. Лермонтова.
- Один из первых советских поэтов.
- Один из героев трилогии И. А. Фединя.
- Герой, место действия в пьесе С. С. Смирнова «Крестик над Бугою».
- Древнерусский поэт.
- Автор поэмы «Страдания Мушкетера».
- Индийский писатель и общественный деятель.
- Стихотворение в прозе И. С. Тургенева.
- Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».
- Стихотворение Т. Г. Шевченко.
- Автор «Похорождений Фраза, солдата Шейна».
- Рассказ Л. Н. Толстого.
33. Советский драматург, автор пьес для юношества.
- Русский драматург и поэт XVIII—XIX веков.
- Основательница русской революционной литературы.
- Французский просветитель, философ.
- Французский писатель-романист.
- Роман болгарского писателя Г. Карадзюва.
- Одна из «Бетербургских повестей» И. В. Гоголя.
- Баллада Ф. Шиллера, переведенная В. А. Жуковским.
- Повесть С. Омеэнго.
- Стихотворение В. В. Маяковского.
- Автор романа «Незатертый след».
- Роман А. Додэ.
- Нав герой повести В. Горькова «Непокоренные».
53. Герой романа М. Шолохова.
- Роман Т. Драйзера.
- Стихотворный размер.
60. Советские поэтессы.

По вертикали:

- Пьеса Назыма Хикметя.
- Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Валчарский фонтан».
- Азербайджанский поэт, революционный сатирик.
- Роман Т. Драйзера.
- Драматическая поэма И. Гете.
- Персонаж пьесы А. И. Островского «Гроза».
- Действующее лицо «Мертвые души» В. Гоголя.
- Поэма В. В. Маяковского.
- Небольшая плавильня для торговли никатими и периодическими печатными изданиями.
- Стихотворение А. С. Пушкина.
- Васия И. А. Крылова.
- Американский писатель.
- Народный поэт Литовской ССР.
- Персонаж пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад».
- Павитрин русской литературы XVI века.
- Эпическая поэма Древней Индии.
24. Переводчик текста с одного языка на другой.
25. Стихотворение М. Ю. Лермонтова.
27. Объявление о концерте литературного вечера.
- Персонаж пьесы М. Горького «На дне».
- Литовская поэтесса.
- Русский сатирический журнал XIX века.
- Автор романа «Приключения Вертера Холста».
- Пьеса А. И. Ардиновова.
- Повесть А. Н. Толстого.
- Аргентинская писательница, лауреат Международной Ленинской премии.
- Народный писатель Латвийской ССР.
44. Народный поэт Белорусской ССР.
- Персонаж повести Б. П. Пастернака «Влетел лауреат олимпийский».
47. Повесть А. И. Куприна.
- Стихотворная форма.
50. Чешский писатель-юморист.
53. Болгарский революционный поэт.
54. Неизвестный публицист, друг Маркса.
55. Пьеса Уильяма Шекспира.
60. Герой трагедии В. Шекспира.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЕ В № 20

По горизонтали:

3. Фотоэлемент.
6. Кенгуру.
8. Турухан.
11. Кабинет.
12. Дилемма.
14. Баргол.
15. Отчет.
17. Табачник.
18. Вадимов.
19. Салунг.
21. Прибор.
23. Какао.
24. Патент.
25. Нильс.
26. Граната.
28. Находка.
29. Арабеск.
30. Пролетарият.

По вертикали:

1. Отпус.
2. Денег.
4. Семгет.
5. Папирус.
7. Уабека.
8. Тандем.
9. Угиверснада.
10. Леонкалло.
13. Кобальт.
14. Варьян.
15. Орлик.
16. Тавро.
19. Стеллан.
20. Накала.
21. Пьяван.
22. Рахистеп.
26. Гуддон.
27. Аджало.

Если вы хотите получать журнал с начала года,

вам необходимо оформить подписку до **25 ноября**

После 25 ноября подписка на «Смену» будет

приниматься на фьюриаль и последующие месяцы.

СМЕНА

ВНИМАНИЮ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ!
ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Путешествия занимает в овечьей жизни видное место. Каждой весной — многоверстное восхождение на сочные пастбища горных долин, осенью — дорога вниз, в родные степи. Долгая дорога изнуряет. Овцы теряют в весе. Колхозы терпят убытки. Однажды дотошные колхозные бухгалтеры подсчитали, что выгоднее возить

овец в самолетах. Над извилистыми хребтами Тянь-Шаня и Памира пролегли прямые трассы воздушных грузовых такси с необычными пассажирами. Не успевают еще открыться забитые снегом перевалы, а тысячетонные отары овец уже нагуливают жир в райских горных долинах Алая или Чаткала.

Фото В. МИШИНА

